

Направления развития переносных значений атрибутивных лексем семантического поля кривизны (в русском, английском и китайском языках)

Исследование посвящено производным значениям прилагательных семантического поля 'кривой-косой' в русском, английском и китайском языках. Выявленные закономерности и особенности лексики данного поля подтверждают гипотезу универсальности метафорических механизмов у носителей разных языков.

Ключевые слова: кривой, косой, китайский язык, типология, семантическое поле, переносные значения

1. Введение

1.1. К постановке задачи

Ключевой для нового осмысления метафоры в языке считается работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона¹. В ней описываются теоретические и философские аспекты нового подхода, а также механизмы метафоризации: метафора рассматривается в тесной связи с фундаментальными когнитивными механизмами сознания, и, будучи отражением этих когнитивных механизмов, дает возможность исследовать, как люди интерпретируют те или иные фрагменты действительности.

После выхода в свет этой основополагающей работы прошло более 30 лет – приходят новые теории, развивающие и уточняющие ее идеи (ср. прежде всего работы Коулсон², Факонье и Тернера³, Римера⁴ и др.), однако вопрос об универсальности метафорических механизмов у носителей разных языков пока не решен. Но если раньше считалось, что метафора – проявление индивидуального творчества носителей языка, а значит, вещь слишком случайная и слишком зависящая от культуры, то после того, как Лакофф и Джонсон ввели понятие «базовой метафоры» и выдвинули ставшую общепринятой теперь гипотезу о когнитивной природе метафори-

ческих переносов, этот вопрос оказывается важнейшим: ответ на него может подтвердить или опровергнуть саму гипотезу.

Данная работа посвящена анализу метафорических значений прилагательных кривизны в китайском, русском и английском языках. Наше исследование можно считать пилотным типологическим описанием этого семантического поля и шагом на пути создания общей типологической базы для признаков имен с семантикой формы конкретных объектов (первым, незавершенным проектом такого рода можно считать «Каталог семантических переходов» А. Зализняк, описанный в работах Зализняк⁵, Грунтова⁶, Zalizniak⁷).

1.2. Предварительные замечания о семантике прямизны и кривизны

В традиционных русских толковых словарях (см. например, словари Ушакова⁸, Ожегова и Шведовой⁹, МАС¹⁰ и др.) прилагательное *прямой* толкуется как 'ровно вытянутый (идуций) в каком-л. направлении, без изгибов', а слово *кривой* как 'не прямолинейный (не прямой), изогнутый'. Оба толкования используют идею изгиба, т. е., по сути дела, кривизны, и более того, *кривой* может описываться непосредственной отсылкой к *прямой* через отрицание.

Известный специалист по лексической семантике, автор специализированной работы, посвященной этим лексемам, Е. Бабаева¹¹ включает пару *прямой* vs. *кривой* в класс слов, «лексемы которых образуют бинарные оппозиции на основе абстрактного противопоставления типа 'не Р – Р'», где прилагательные, имеющие семантическую структуру 'не Р' «относятся к словам, содержащим имплицитное отрицание». В паре *прямой* vs. *кривой* Бабаева описывает как содержащий семантическую структуру 'не Р' прилагательное *прямой*, а Р обозначает наличие изгибов или отклонений.

Такого рода определения вызывают ощущение наличия круга в толкованиях, от которого трудно избавиться, потому что представления человека о прямом и не-прямом настолько базовые, что их трудно определить иначе. Недаром первая аксиома геометрии – как науки в том числе о формах и связях между ними – касается именно свойства, определяющего прямизну: «через любые две точки можно провести прямую, и только одну».

Между тем, если подробнее рассмотреть сочетаемость лексемы *кривой*, можно заметить, что даже в прямом значении она описывает не только несоответствие такой форме объекта, которую можно назвать прямой: эта лексема может указывать на отклонение от любой исходной формы. Подтверждением этому служит подробное исследование русских *кривой* и *косой* в работе Е.В. Рахилиной, где

эти слова названы «прилагательными отрицательной формы»¹² – в том смысле, что они описывают не собственно форму объекта, а различные отклонения от нее.

Еще одно интересное замечание делается в работе С.М. Толстой¹³: в ней указывается на то, что ни один из словарей не обращает внимания на оценочно-нормативный компонент в толкованиях слова *кривой*, при том, что именно этот компонент лежит в основе его вторичных значений.

Хорошо известно, что лексика, описывающая отклонения от нормы, и прежде всего, содержащая отрицательную оценку, количественно превосходит нейтральную или положительную, которая описывает норму, поэтому прилагательных, обозначающих кривизну, в языках обычно больше, чем обозначающих прямизну. Такое распределение естественно еще и в том отношении, что способы отклонения от прямой, или от канонической формы, могут быть различными. Наглядным подтверждением здесь может служить, например, материал статьи Е.В. Генераловой¹⁴, посвященной русским прилагательным со значениями 'прямой' и 'кривой' в историческом аспекте: в ней отмечается количественный перевес прилагательных со значением 'кривой' по отношению к прилагательным со значением 'прямой' (25 прилагательных со значением 'кривой' по сравнению с 11 прилагательными, известными с семантикой 'прямой'). В работе приводится только часть из них: «со значением 'прямой' – *прямой, правый, простой, жаровый, стамый, неблазньный* и др., со значением 'кривой' – *кривой, лукий, косой, кляпый, виловатый, горбатый, похилый, крюковатый, коленоватый, волнистый* и др.» Большая часть из них в современном русском языке уже не употребляется, однако количественный перевес остается и сегодня.

Таким образом, поле кривизны оказывается более богатым лексически – а значит, более интересным с точки зрения типологии релевантных для него семантических противопоставлений. Поэтому, опираясь на все, сказанное выше, мы рассмотрим метафорику прилагательных, обозначающих кривизну, в русском, английском и китайском языках, и прежде всего будем интересоваться степенью общности их моделей метафоризации.

1.3. Структура статьи и материал исследования

Мы ограничили задачу лексемами, которые примерно соответствуют друг другу по двуязычным словарям¹⁵ и в то же время обладают достаточно богатым метафорическим потенциалом. В первую очередь нас интересовали лексемы, обозначающие отклонение от исходной формы либо от некоторой заданной оси. Кроме этого мы

взяли для рассмотрения слова, указывающие на наличие одного или множества изгибов¹⁶.

В русском языке мы взяли лексемы *кривой*, *косой* и *извилистый*, (*изогнутый* соответствует критериям отбора, но у него нет метафорических значений). В английском языке рассматривались лексемы *bent*, *crooked* и *slanted* (*y curved* и *winding* тоже не оказались метафорических значений).

В современном китайском языке основной единицей является слогоморфема, соединяющая звучание, графическое изображение (иероглиф) и смысл. Однако в лексике более 70% составляют двусложные слова. Некоторые слогоморфемы могут использоваться самостоятельно, но в основном они входят в состав двуслогов (и более многосложных слов). При этом однослоги по сравнению с близкими по значению двуслогами обычно обладают более широкими системами производных значений, а двуслоги имеют более конкретное значение и, соответственно, более узкую сочетаемость. Поэтому нас интересовали в первую очередь однослоги 弯 wān 'изогнутый, извилистый', 歪 wāi 'кривой', 曲 qū 'кривой, извилистый' и 斜 xié 'косой'.

Мы отмечали общие метафоры у лексем, описывающих кривизну, и направления переноса значений, которые встречаются хотя бы в двух из трех рассматриваемых нами языков. Но кроме этого нас интересовало, как можно объяснить такого рода сходства в стратегиях метафоризации исходя из прямых значений и сочетаемости соответствующих лексем.

2. Направления развития переносных значений лексем поля кривизны

2.1. Русский язык: *кривой*, *косой*, *извилистый*

1) *Кривой*

Лексема *кривой* развивает три метафорических значения, и все они связаны с идеей нарушения нормы: это отрицательная морально-этическая оценка, отрицательная истинностная оценка и отрицательная оценка функциональности объекта.

***Кривой*: 'не соответствующий представлениям о должном'**

Здесь речь идет о несоответствии внутреннего пространства – мыслей или самой личности человека – чьим-то представлениям о правильном, должном, т. е. об этической кривизне. В данном значении *кривой* сочетается со словами, обозначающими мышление человека – *сознание*, *мысли* и под., а также, метонимически, с «носителями» этих помыслов, ср. *человек* или *душа*:

[1] *И говоришь ты, ровно поешь, и голос у тебя, как у кенара, а никогда я тебе не верил. Чувствовал, что **кривой человек**. (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008)*

[2] *Нужно не иметь **кривых помыслов**. Нужно стремиться иметь **прямые** — честные, светлые, благородные — помыслы. (Александр Клейн. Дзен // «Пятое измерение», 2003)*

Словосочетание *кривой путь* на значение ‘несправедливый, неправильный’ (т. е. как раз на значение отклонения от чьих-то представлений о должном) есть уже в Словаре русского языка XI-XVII вв. В современном русском языке в этом значении чаще встречается *кривая дорожка*. И хотя *путь* и *дорожка* в этих примерах употреблены в метафорическом значении, идея отклонения от нормы заключена именно в лексеме *кривой*.

Кривой: ‘неправильный, ложный’ (устар.)

Это значение, судя по всему, устаревает, так как в корпусе на него очень мало примеров, и подавляющее большинство из них XIX – начала XX-го века. В этом значении слово *кривой* указывает на то, что нечто не соответствует реальному положению вещей, идет вразрез с истиной и (в сочетании со словом *суд*) справедливостью:

[3] *Если б я знала, что ты не спишь, то не стала бы всего при тебе говорить, ты тут ничего не понял и подумал, что Александра Ивановна жалуется на тетушку и что тетушка недобрая; а это все пустяки, одни недогадки и **кривое толкованье**. (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники, 1858)*

Кривой: ‘плохо функционирующий, плохой’

Это значение слова *кривой* – метафорический перенос с формы на функциональность объектов. Здесь подчеркивается плохое выполнение объектом своей функции, причем по форме он не обязательно отличается от нормально работающих объектов (ср. *кривые руки*). К тому же большинство слов, с которыми сочетается *кривой* в этом значении, обозначают абстрактные понятия, не имеющие физической формы (*система, права, метафора, реализация*). Употребляя *кривой* в этом смысле, мы приписываем объекту свойство кривизны, которое могло бы объяснить его плохое функционирование.

[4] *Из-за очень-очень честной и справедливой, но немного **кривой системы** оценивания будут получаться несправедливые экзаменационные двойки или приниматься в вузы не готовые к учебе персонажи. (Мысли про ЕГЭ, 2008)*

В противоположность предыдущему значению, данное значение появилось совсем недавно: в корпусе находятся примеры только 21-го века. Гораздо больше примеров можно обнаружить в поиске по блогам или в Яндекске:

- [5] Часто перерасход памяти, как и нагрузка на процессор, возникают из-за **кривых плагинов и баров**. (anushkablogs.mail.ru/mail/annalibina)
- [6] *Наташ, у меня русский уже давно кривой, но по-моему слово криветка пишется по-другому.* (комментарий [zvezda_forever](#) в журнале [keuken_princes](#))
- [7] *Re: кривой сайт министерства здравоохранения. его скорее всего дела-ли своими силами* (http://blogs.mail.ru/mail/i_n_f_i_n_i_t_e)

2) Косой

Метафорический перенос у этой лексемы только один, и он не продуктивный: сочетаемость у *косой* в этом значении предельно ограничена.

Косой: 'недружелюбно-подозрительный'

Происхождение этого значения хорошо описано в работе Е.В. Рахилиной¹⁷: «сам нетривиальный способ, которым он все-таки направляет туда свой взгляд, должен указать адресату, что это не простое зрительное внимание к происходящему, а нарочитая отрицательная его оценка».

- [8] *Он только усмехался, пряча неловкость и стараясь, чтобы они не заметили косых взглядов недовольной Марины и растерянных Люды.* (Ирина Муравьева. *Мещанин во дворянстве*, 1994)

Кроме *косых взглядов* встречаются еще словосочетания *косая улыбка / усмешка*, но это, по сути, не метафорическое значение: просто улыбка является проявлением эмоций, поэтому из ее неканонической формы можно сделать вывод о сложности внутреннего состояния человека – отсюда негативные коннотации. В этом контексте *косой* и *кривой* сходятся и оказываются практически тождественны, хотя *кривая улыбка / усмешка* употребляется намного чаще:

- [9] *Косые улыбки на суровых лицах, пустые, выветренные взгляды и еще один тип в униформе, выползающий из кабинета Писсаридзе, заставили Инку насторожиться.* (Улья Нова. *Инка*, 2004)
- [10] *И только у хорошо знающих истинное положение дел операторов ГШ такие аргументы вызывали кривую усмешку.* (Виктор Баранец. *Генштаб без тайн. Книга 1*, 1999)

3) Извилистый

Извилистый: 'сложный, запутанный (о жизненном пути)'

Данная метафора связана с метафорой событий во времени как движений в пространстве, а различных возможностей как различных путей. *Извилистый* здесь употребляется со словами, указывающими на жизненный путь, и означает, что для достижения некоторого состояния пришлось (или необходимо) совершить много излишних действий, не ведущих к результату.

[11] *Прихотливые, извилистые линии судьбы* вдруг сложились в единый, ясный, осмысленный узор. (Алексей Иванов. *Сердце Пармы*, 2000)

[12] *Простота, да к тому же очевидная, наиболее сложное дело в науке. Она появляется в самом конце долгого и извилистого пути.* (Даниил Гранин. *Искатели*, 1954)

В этом значении у прилагательного *извилистый* нет пересечения сочетаемости со словом *кривой*. Хотя есть близкое словосочетание *кривая дорожка*, которое обозначает отклонение от моральных норм поведения, *извилистый* со словом *дорожка* в значении жизненного пути, похоже, не употребляется (так как *дорожка* не может указывать на жизненный путь).

Извилистый: ‘сложный, запутанный (о мыслях или словах)’

Это значение связано с пониманием мыслительного процесса как движения по некоторому пути. *Извилистый* здесь указывает на неожиданное развитие либо на длину и сложность некоторой мысли или рассуждения и сочетается со словами, обозначающими процесс или результат мышления или речевую деятельность – чаще устную, но иногда и письменную (*разговор, рассуждение, расчет, ход мыслей, концепция, комплимент*):

[13] *Держа руки в карманах, бесшумно шагая по мягкому ковру, он представил себе извилистый ход своей мысли в это утро и остался доволен ее игрой.* (Максим Горький. *Жизнь Клима Самгина. Часть 4, 1928-1935*)

[14] *К чему, однако, весь этот извилистый разговор?* (Владимир Леви. *Искусство быть собой*, 1973)

Сочетаемость данного значения частично пересекается с сочетаемостью слова *кривой* – та ее часть, которая касается мышления. *Кривой* в таких контекстах указывает на отклонение от общественных или моральных норм.

2.2. Английский язык: *bent, crooked, slanted*

1) *Bent* ‘согнутый, гнутый’

Эта лексема является аналогом русских *согнутый, изогнутый*, в том смысле, что они обозначают результат сгибания (ср. *The slightly bent legs enable him to spring into action immediately* (BNC)). Но в отличие от них, у английского *bent* есть переносное значение, правда, весьма ограниченной семантики, можно сказать, лексикализованное.

***Bent*: ‘согнутый, гнутый’ как ‘нечестный, коррумпированный’**

В этом значении *bent* используется для описания полицейских:

[15] *Whether exposing a bent cop in the system, comforting the widow of a colleague, or shooting it out with drug peddlers in downtown LA, he administered the covenant in Gun Law. (BNC)*

Кроме слова *cop* другой сочетаемости ни в словарях, ни в корпусе не обнаружено¹⁸.

2) *Crooked* 'скрюченный'

Crooked: 'скрюченный' как 'нелегальный'

У лексемы *crooked* только одно атрибутивное переносное значение. Это значение, как и у лексемы *bent*, связано с идеей отклонения от нормы в отношении закона или морали:

[16] *He was trying to interest me in another one of his crooked deals. (Wiktionary)*

Это значение, опять же, имеет негативную окраску и в этомближается с соответствующим значением русской лексемы *кривой*¹⁹.

Как и русские *кривой* и *косой*, *crooked* сочетается со словами *smile* 'улыбка' и *grin* 'усмешка'. Здесь, опять же, помимо указания на неканоничность формы улыбки присутствует указание на наличие некоторой дополнительной эмоции, чаще всего отрицательной, как видно из следующих примеров:

[17] *He smiled, a crooked smile that held no pleasure. (BNC)*

[18] *Polly 's crooked smile masked a stab of painful yearning. (BNC)*

Впрочем, в некоторых контекстах эта дополнительная эмоция не является негативной. Возможно, на самом деле здесь указывается на сложность эмоционального состояния или любой другой фактор (например, отсутствие привычки улыбаться), вследствие которого происходит искривление улыбки:

[19] *His crooked smile blended gentleness and irony. (BNC)*

[20] *Connor gave one of his rare, crooked grins. (BNC)*

Интересно, что в значении 'плохо функционирующий, плохой' ни *bent*, ни *crooked* не употребляются.

3) *Slanted* 'косой'

Slanted: 'косой' как 'пристрастный, не объективный'

Эта лексема тоже имеет лишь одно переносное значение: 'подавать информацию определенным способом, не объективно':

[21] *slanted news coverage (OD)*

[22] *I feel it is only fair to make comment on what, in some respects, was a rather slanted view of the role played by Mr Robert Atkins, Minister for Sport, in support of sporting activities in the local community. (BNC)*

Это интересное значение не встречается у лексем со значением 'косой' в других двух языках. Здесь играет роль идея наклонения в определенную сторону, а не просто отклонения от центра, т. е. име-

ется в виду то, что информация подается под субъективным углом, а не то, что она неправдива.

2.3. Китайский язык: 曲 qū ‘извилистый’, 弯 wān ‘изогнутый’, 歪 wāi ‘кривой, покосившийся’, 斜 xié ‘косой’

1) 曲 qū ‘извилистый’

Однослог 曲 qū, который в исходном значении обозначен в китайских словарях как антоним 直 zhí ‘прямой’, по смыслу лучше всего соответствует русскому *извилистый* (так как сочетается в основном с природными объектами, в приближении представляющими из себя линию: ср. 曲径 qūjìng ‘извилистая тропа’, 曲水 qūshuǐ ‘извилистая река’²⁰). Хотя судя по тому, как этот иероглиф писался ранее, изначально он указывал на наличие лишь одного изгиба:

甲骨文 jiǎgǔwén

小篆 xiǎozhuàn²¹

Однако по утверждению китайских информантов в современном китайском языке 曲 qū указывает именно на наличие множества мелких изгибов (как и русское *извилистый*).

曲 qū: ‘извилистый’ как ‘несоответствующий истине, искаженный’

Основная идея этого значения – несоответствие истине. Сочетаемость у 曲 qū в этом значении очень узкая: это лексема 解 jiě ‘понять; объяснять’. Кроме того, 曲 qū входит в состав двуслога 歪曲 wāiqū ‘извращать (факты); искажать’.

[23]	唉,	令	人	惭愧	啊,	我	原来
	āi	lìng	rén	cánkuì	a	wǒ	yuánlái
	ох	CAUS	человек	стыдно	PCL	я	оказывается
	曲解			了	人家	的	心怀。
	qūjiě			le	rénjiā	de	xīnhuái
	извилистый.толковать	PERF	человек.ATR				намерение

Ох, как стыдно, оказывается, я **неправильно** понял их намерение. (Leeds)

В словаре Ошанина²² также приводятся словосочетания 曲國 qūguó ‘несправедливое государство’ и 曲行 qūxíng ‘подлый поступок, низкое поведение’, однако это примеры из древних памятников, которые в современных корпусах не встречаются.

Однако существует чэньюй 是非曲直 shìfēi qūzhí ‘правильный и неправильный; кривда и правда’, составленный из двух антонимичных пар 是非 shìfēi ‘правда и неправда; истина и ложь’ и 曲直 qūzhí ‘неверный и правильный; ложь и истина (досл. *кривой и прямой*)’.

[24] 在 艰苦的 磨炼 中, 他 是非
 zài jiānkǔ de móliàn zhōng tā shìfēi
 LOC трудный.ATR упражняться.DIR он **правильное.ложное**
 曲直 观念 更加 明确。
qūzhí guānniàn gèngjiā míngquè
изогнутое.прямое понятие более ясный.верный
 В процессе тяжелой работы его представления о **правильном и не-
 правильном** стали более четкими. (CCL)

Таким образом, можно сделать вывод, что значение несоответствия моральным нормам у лексемы 曲 qū ушло в прошлое и более не продуктивно. Впрочем, то же можно сказать и про однослог в целом: он не обладает свободной сочетаемостью как прилагательное в современном языке.

2) 弯 wān ‘изогнутый’

Лексема 弯 wān указывает на наличие одного изгиба, и в своей сочетаемости соответствует русскому *изогнутый*. Судя по словарям древнекитайского языка, изначально он значил ‘сгибать лук’, поэтому логично, что как прилагательное он указывает на наличие одного изгиба (полученного при воздействии силы на одну точку). Правда, как и русское *изогнутый*, в современном китайском он может характеризовать объекты, изначально имеющие дугообразную форму, а не только деформированные.

弯 wān: ‘изогнутый’ как ‘окольный’

Есть только одно словосочетание, в котором 弯 wān используется метафорически. Это сочетание с лексемой 路 lù ‘дорога’, и оно достаточно устойчивое, чтобы считаться двуслогом. Здесь имеется в виду не нечестный способ или осуждаемый образ жизни, а просто не самый прямой путь достижения цели или потраченное впустую время из-за незнания правильного метода (согласно словарю современного китайского языка²³).

[25] 终于, 在 走了 不少 弯 路
 zhōngyú zài zǒu le bù shǎo wān lù
 наконец LOC ийти.PERF NEG.мало **изогнутый** **дорога**
 之后 我们 拿到了 签证。
 zhīhòu wǒmen ná dào le qiānzhèng
 ATR.после мы взять.RES.PERF виза

*Наконец, пройдя множество **окольных путей**, мы достали визу.*
 (Leeds)

Интересно, что похожее (но немного другое) переносное значение развивает русское слово *извилистый*, в котором оно обозначает сложный, запутанный жизненный путь. Разница в том, что в русском *извилистый путь* нет идеи напрасно потраченного времени, только идея сложных жизненных обстоятельств. К тому же китайское 弯路

wānlù употребляется в контекстах более конкретных ситуаций, чем абстрактное «жизненный путь».

3) 歪 wāi ‘кривой, покосившийся’

Данная лексема является антонимом лексемы 正 zhèng ‘правильный, точный’, что видно из самой формы иероглифа, который состоит из иероглифа 正 zhèng и начертанного над ним иероглифа 不 bù ‘не’ (отрицательной частицы). Основное значение 正 zhèng ‘правильный, точный’, которое прослеживается в большинстве его подзначений - это соответствие некоторому стандарту, норме (или просто направлению). Соответственно, 歪 wāi маркирует отклонение от нормы, причем способ этого отклонения часто не важен: это может быть и отклонение от канонической формы, и отклонение от некоторой оси.

歪 wāi: ‘кривой, покосившийся’ как ‘отклоняющийся от норм морали’

В данном значении 歪 wāi может сочетаться со словами, обозначающими различные идеи или высказывания (主意 zhǔyì ‘мнение; идея’, 念(头) niàn(tou) ‘мысль; идея’), указывая на отклонение от норм здравого смысла или морали:

[26] 我 只 是 欣 赏 这 样 的 女 性
 wǒ zhǐ shì xīnshǎng zhèyàng de nǚxìng
 я только быть любоваться такой.ATR женщина
 而已, 并 没 有 什 么 歪 念 的
 éryǐ bìng méi yǒu shénme wāi niàn de
 и.только вовсе NEG.иметь какой-то кривой мысль ATR
Я всего лишь люблю такими женщинами, никаких кривых мыслей. (Leeds)

В сочетании с понятием 风 fēng ‘поветрие, тенденция’ лексема 歪 wāi указывает на порочное или вредное поведение, распространенное на большой области:

[27] 部 队 风 气 和 官 兵 关 系
 bùduì fēngqì hé guān bīng guānxì
 войска атмосфера и офицер солдат отношение
 明 显 改 善, 歪 风 邪 气
 míngxiǎn gǎishàn wāifēng xiéqì
 ясно измениться.хороший кривой.тенденция злой.дух
 得 到 有 效 纠 正
 dédào yǒuxiào jiūzhèng
 получить эффективный исправление

Атмосфера в воинской части и отношения между офицерами и солдатами явно улучшились, вредные тенденции и дурные влияния эффективно исправляются. (CCL)

Со словом 路 lù дорога (в метафорическом значении) в китайском языке могут употребляться разные прилагательные поля кривизны,

в том числе лексема 歪 wāi. Смысл такого словосочетания – указание на отклонение от моральных норм поведения и способов достижения цели:

[28]	沈	从文	是不是	比较	担心
	Shěn	Cóngwén	shì bù shì	bǐjiào	dānxīn
	Шэнь	Цунвэнь	быть.NEG.быть	сравнительно	беспокоиться
	怕	你	走了	歪	路?
	pà	nǐ	zǒu le	wāi	lù
	бояться	ты	идти.PERF	кривой	дорога

Шэнь Цунвэнь немного беспокоится, боится, что ты вступил на кривую дорожку? (Leeds)

Кроме этого, в сочетании с некоторыми однослогами 歪 wāi образует слова, обозначающие неправильное поведение (歪憋 wāibiē ‘безобразничать, хулиганить’, 歪缠 wāichán ‘подымать скандал безо всякой причины’).

歪 wāi: ‘кривой, покосившийся’ как ‘отклоняющийся от истины’

В сочетании со словами, обозначающими способы мышления (理 lǐ 道理 dàoli ‘резон, логика’, 论 lùn ‘суждение; теория’), 歪 wāi указывает на отклонение высказанных суждений от реального положения дел, на не критическое восприятие действительности:

[29]	你	书	读得	多,	可	那些	书里
	nǐ	shū	dú de	duō	kě	nà xiē	shūli
	ты	книга	читать.EV	много	но	те.несколько	книги.DIR
	有	多少	歪	理	啊。		
	yǒu	duōshǎo	wāi	lǐ	a		
	иметь	сколько	кривой	принцип	PCL		

Ты прочитал много книг, но сколько в этих книгах кривой логики. (Leeds)

[30]	你	这套	歪	论,	纯粹	是	经验主义,
	nǐ	zhè tào	wāi	lùn	chúncuì	shì	jīngyànzhūyì
	ты	этот.CLF	кривой	теория	чистый	быть	эмпиризм
	自由	心证			的		大杂烩!
	zìyóu	xīn zhèng			de		dàzáhuì
	свободный	внутреннее.убеждение		ATR			мешанина

Твои кривые теории – это чисто эмпирическая, основанная на внутренних убеждениях сборная-солянка. (Leeds)

4) 斜 xié ‘косой’

Следующая лексема является самым близким аналогом русско-му слову *косой*.

斜 xié: ‘косой’ как ‘неправильный, плохой, извращенный’

У лексемы 斜 xié имеется метафорическое значение с негативной оценкой, однако в сочетаемость данного значения входят лишь слова с исходным значением ‘дорога’.

- [31] 母亲 警告 她, 别 走上 斜 路。
 mǔqīn jǐnggào tā bié zǒu shàng xié lù
 мать предупреждать она не.надо идти.DIR **косой** **дорога**
*Мать предостерегла ее не вступать на **косую** **дорогу**.* (Leeds)

Впрочем, как сообщают китайские информанты, в современном языке иероглифы 斜 xié ‘косой’ и 邪 xié ‘злой’ разошлись (стали записываться разными иероглифами), и для обозначения кривой дорожки нормативным считается использование последнего (см., например, чэньюй 歪门邪道 wāiménxiédào ‘нечестный путь’), а сочетания 斜路 xiélù ‘косая дорога’ и 斜道 xiédào ‘косая дорога’ могут употребляться только в прямом, геометрическом значении. Однако этимологические словари подтверждают единый источник происхождения этих двух слов. Это, а также одинаковое звучание, является причиной того, что примеры типа приведенного выше иногда встречаются в корпусах.

Что касается разницы между словосочетаниями 邪路 xiélù ‘злая/порочная дорога’ и 歪路 wāilù ‘кривая дорога’, то это вопрос серьезности нарушения нормы. Первое может указывать, например, на убийство и разбой, второе – на нелегальную торговлю, т. е. 邪路 xiélù обозначает более серьезные случаи.

Кроме того, 斜 xié в китайском языке сочетается с многочисленными обозначениями способов смотреть. Обычно такие словосочетания, как и в русском, несут негативную оценку.

- [32] 她 斜 瞥 我 一 眼, 带着 敌意。
 tā xié piē wǒ yī yǎn dài zhe dīyì
 она **косо** **взглянуть** я один глаз держать.PRG **неприятнь**
*Она **косо** **взглянула** на меня с **неприятнью**.* (Leeds)

В особых случаях они могут просто характеризовать направление взгляда, но такие примеры встречаются редко:

- [33] 他 微笑着, 朝 她 那 神色 调皮
 tā wēixiào zhe cháo tā nà shénsè diàopí
 он улыбаться.PRG LOC она тот выражение лукавый
 的 眼睛 斜 瞟了 一 眼。
 de yǎnjīng xié piǎo le yī yǎn
 ATR глаза **косо** **смотреть**.PERF один глаз
*Он, улыбаясь, **искоса** **взглянул** в ее **лукавые** глаза.* (Leeds)

Довольно часто встречается чэньюй 目不斜视 mùbùxiéshì в значении ‘держаться корректно; не отвлекаться; не смотреть, куда не следует’:

- [34] 他 正襟危坐, 目不斜视。
 tā zhèng jīn wēi zuò mù bù xié shì
 он править.полы.чинный.сидеть **глаз**.NEG.**косой**.**смотреть**
*Он **отправил** **полы** **одежды** и **чинно** **уселся**, **ни на что не отвлекаясь**.* (CCL)

Таким образом, 斜 *xíé*, как и русское *косо*, описывает такой способ смотреть, который указывает на наличие невысказанных мыслей, что и становится причиной появления отрицательной оценки.

3. Выводы

В рассмотренных трех языках можно выделить несколько общих направлений метафоры у слов семантического поля кривизны. При этом направления развития переносных значений обусловлены изначальным разделением прямых значений, и это разделение выдерживается в трех языках.

Общая тенденция состоит в том, что у слов с семантикой 'кривой' явно выражен компонент отклонения от нормы, у слов с семантикой 'косой' он выражен слабее, а у слов, описывающих наличие одного или нескольких изгибов, этот компонент может отсутствовать (такие слова в исходном значении обычно указывают на естественную форму, а не на отклонение от нее).

Ниже в таблице 1 приведены основные значения рассмотренных нами лексем.

Таблица 1

Русский	Китайский	Английский
кривой	曲 <i>qū</i> 'извилистый'	
<i>Неправильный, ложный (устар.)</i>	<i>Неправильный, искаженный</i>	
кривой	歪 <i>wāi</i> 'кривой, перекошенный'	crooked 'скрюченный', bent 'согнутый'
<i>Отклоняющийся от нормы</i> - морал. хар-ка человека, мыслей; - путь (метаф.)	<i>Отклоняющийся от нормы</i> - морал. хар-ка человека, мыслей; - истина; - путь (метаф.)	<i>Отклоняющийся от нормы</i> - морал. хар-ка человека (<i>bent</i>); - морал. хар-ка средств (<i>crooked</i>)
<i>Плохой (оценка функционирования)</i>		
косой	斜 <i>xíé</i> 'косой'	slanted 'косой'
<i>недружелюбно-подозрительный</i>	- <i>неправильный, плохой, извращенный;</i> - <i>недружелюбно-подозрительный</i>	<i>Пристрастный, необъективный</i>

извилистый	弯 wān 'изогнутый'	
<i>Сложный (о жизненном пути)</i>	<i>Окольный (путь (метаф.))</i>	
<i>Сложный (о мыслит. процессе)</i>		

Тесную связь идеи кривизны с идеей неправильности, отклонения от нормы можно наблюдать и по диахроническому развитию значений слов, передающих эти понятия.

Согласно этимологическому словарю Фасмера слово *кривой* имеет родство с сербохорв. *kriv*, *kriva*, *krivo* «левый», словен. *kriv*, *kriva*, чеш. *krivý* «кривой, неправильный, лживый», лтш. *krèiss* «левый», *krails* «изогнутый, искривленный», греч. *κροῖός* «имеющий изъём» и др. Связь «кривой» со значением «левый» приобретает смысл через призму отрицательной оценки, поскольку в нашей культуре стороны традиционно разбиваются на «хорошую» и «плохую» (ср. употребление слов *кривой* и *левый* в современном русском языке для отрицательной оценки каких-либо вещей или событий и явную связь *правый* с *правильный*, т. е. положительной оценкой).

В английском языке лексема *right*, которая в современном языке значит «правый» и «правильный», имеет латинский корень *rectus*, который тоже происходит от индоевропейского корня, означающего движение по прямой (согласно словарю OD).

Китайское же 歪 wāi «кривой» даже графически состоит из частей 不 bù «не» и 正 zhèng «правильный», о чем уже говорилось выше. Связи с левой и правой сторонами у лексем поля «прямой-кривой» в китайском языке нет, однако у 正 zhèng исходные значения тоже связаны с правильным положением в пространстве (соответствием некоторому направлению, нахождением по центру), т. е. связь идеи правильности с геометрической конфигурацией видна и здесь.

Итак, мы видим, что механизмы метафорических переносов у носителей разных языков в поле кривизны в целом универсальные, пусть и с некоторыми оговорками, которые можно объяснить, если привлечь разницу в базовых значениях. Например, во всех трех рассмотренных нами языках есть связь формы конкретного предмета с морально-этическими коннотациями (см. таблицу 1, лексемы *кривой*, 歪 wāi «кривой, перекошенный», *crooked* «скрюченный» и *bent* «согнутый»). Таким образом, гипотеза универсальности метафорических механизмов у носителей разных языков подтверждается на нашем материале.

- ¹ *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- ² *Coulson S.* Semantic Leaps: Frame-shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- ³ *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think. New York: Basic Books, 2003.
- ⁴ *Riemer N.* Remetonymizing metaphor: Hytercategories in semantic extension // *Cognitive Linguistics*, 4. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 379-401.
- ⁵ *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*, № 2, 2001. С. 13-25; *Она же.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 392-402.
- ⁶ *Грунтов И.А.* «Каталог семантических переходов» – база данных по типологии семантических изменений // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2007.* М.: 2007. С. 157-161.
- ⁷ *Zalizniak Anna A.* A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation // *From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations / Vanhove M. (ed.)* 2008. P. 217-232.
- ⁸ *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, Астрель, 2000.
- ⁹ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Very Ltd., Израиль, 1994.
- ¹⁰ *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз.; 2-е изд., испр. и доп.* М.: Русский язык, 1981–1984.
- ¹¹ *Бабаева Е.Э.* Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью) // *Перспектив активного словаря русского языка / В.Ю. Апресян и др.* М.: Языки славянских культур, 2010. С. 221-224.
- ¹² *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. С. 162-168.
- ¹³ *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 275-287.
- ¹⁴ *Генералова Е.В.* Прилагательные со значениями “прямой” и “кривой” в русском языке XV—XVII вв. // *Вестник СПбГУ. Сер. Языкознание. Литература. История.* 1999. № 2. С. 45-53.
- ¹⁵ Основными источниками для сравнения стали словари: *Ошанин И.М.* Большой китайско-русский словарь. В 4-х томах. М.: Наука, 1983; *Ермолович, Д.И.; Красавина, Т.М.* Новый большой русско-английский словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2004.
- ¹⁶ Данные для анализа были взяты из следующих словарей и корпусов: BNC – British National Corpus (URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>), CCL – Корпус Пекинского Университета (URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xian dai); Leeds – коллекция корпусов университета г. Лидс (URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/>), OD – Oxford Dictionary of English: Revised Edition. – Oxford University Press, 2005., UD – Urban dictionary (URL: <http://www.urbandictionary.com/>), Wiktionary (URL: <http://en.wiktionary.org/>). Русские примеры взяты

из НКРЯ – Национального корпуса русского языка (URL: www.ruscorpora.ru) и из поиска по блогам в Яндексе (URL: <https://blogs.yandex.ru/>).

¹⁷ Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен... С. 166.

¹⁸ *Bent* также употребляется в современном сленговом значении ‘гомогенный’: *You are so friggin’ bent!* (*Urban dictionary*. – URL: <http://www.urbandictionary.com/>). А также в значении ‘под кайфом от употребления наркотических средств и/или алкоголя’: *Man, I am so bent right now!* (*Wiktionary* – <http://en.wiktionary.org/>). В обоих этих значениях *bent* употребляется в предикативной позиции. Как мы видим, эти значения связаны с идеей отклонения от нормы и чаще всего несут негативную окраску, практически теряя связь с исходным смыслом лексемы *bent*. Это сближает ее с русской лексемой *кривой*, хотя области их употребления совершенно разные.

¹⁹ В словаре современного сленга у *crooked* есть значения ‘неприемлемое социальное действие, но не настолько, как описываемое словом *twisted*’ и ‘радостное ощущение от принятия алкоголя, курения травы и употребления кокаина на вечеринке’. Кстати, на слово *twisted*, которое тоже указывает на специфическое изменение формы, тоже дается значение ‘быть одновременно пьяным и под кайфом’ (*Urban dictionary*).

²⁰ Хотя эта сочетаемость не является свободной (в современном языке 曲 qū в этом значении вытеснен двуслогами), в корпусе все еще можно найти такие словосочетания (и, соответственно, восстановить значение), в основном в составе устойчивых выражений, таких как 曲径通幽 qū jìng tōng yōu ‘извилистая тропа ведет в уединенное место’.

²¹ 甲骨文 jiǎgǔwén – надписи на костях и черепаших панцирях; 小篆 xiǎozhuàn – сяочжуань, малый устав (унифицированный иероглифический почерк, введенный при дин. Цинь). URL: <http://baike.baidu.com/subview/120628/162219-45.htm>.

²² Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь...

²³ ХНCD – Xiandai hanyu cidian – Словарь современного китайского языка. Версия 5. Пекин: Коммерческая пресса, 2005. – 1958 с.

Некоторые особенности сложившейся орфографической кодификации и реалии современного письма

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в области письменного освоения заимствований. Ставится вопрос о языковых критериях и факторах, существенных при определении написания слова. Выявляются и анализируются действующие принципы орфографического нормирования, такие как единство графического облика слова, императивность кодифицированной нормы, установка на унификацию, отсутствие градаций у орфографической нормы, минимализм предписывающих формулировок. На современных примерах показано, что, несмотря на их кажущуюся бесспорность, данные принципы в применении к иноязычной неологии недостаточно эффективны. Затронут вопрос о соотношении нормы и кодификации в орфографии и о различных подходах к орфографической вариативности.

Ключевые слова: заимствование, языковые изменения, орфография, норма, принципы кодификации, вариативность.

1

Последние два десятилетия бурного развития русского языка, характеризуемого порой как «языковая смута»¹, были сопряжены с усилением межъязыкового взаимодействия и перенасыщением языка иноязычными заимствованиями. В связи с этим в орфографии появились новые явления, для которых нет правила (либо к которым неприменимы существующие правила) и подходящего языкового прецедента. Эти изменения – своеобразная проверка на прочность орфографических традиций. Как следует относиться к языковым явлениям, не укладывающимся в традиционную норму? Вопрос, способна ли действующая система кодификации письма осуществлять нормативную оценку языковых новаций на должном уровне – или же время требует обновления самих нормализаторских подходов – представляется в этой ситуации вполне закономерным.

Наметившееся движение к общественным переменам отражается и на функционировании национального языка (подробнее об

этом см. исследование В.Г. Костомарова²). Стремление к тотальному обновлению (как социальная тенденция) распространяется на некоторые аспекты владения и пользования языком, приводит к возникновению явлений, для которых на сегодняшний день не существует четких критериев нормативной оценки. Это говорит о необходимости обратить внимание не только на отдельные установления, но и на саму идеологию нормирования. Сторонники такого подхода исходят, прежде всего, из осознания определенной связи между структурными языковыми новациями и изменением представления о статусе орфографической нормы, а также – одновременно – из требования лингвистической обоснованности написаний. Не в последнюю очередь это распространяется на неологизмы иноязычного происхождения (которые являются предметом рассмотрения в данной статье) – одну из самых неблагополучных областей русской орфографии. Противоречивость оснований для написания слова, многолетнее наслоение непоследовательных решений привели к запутанности вопросов правописания в этой сфере. Поэтому главным на сегодняшний день является вопрос, как в принципе определяется написание слова, какие факторы при этом действуют и какие критерии используются.

То, что этот вопрос приобрел актуальность, отмечалось еще в самом начале прошедшего десятилетия. Еще тогда говорилось о недостаточной разработанности принципов нормализаторской деятельности в орфографии, одним из проявлений чего является несогласованность нормативных рекомендаций в словарях³, а также о преодолении «режимного орфографического сознания» как примете времени⁴. Проблема альтернативы существующему подходу в нормировании, реализации более современного взгляда на формирование нормы в орфографии (при сохранении основ русского правописания) остается актуальной и по сей день.

Задача обновления кодифицирующей базы ставилась и при работе над новой редакцией «Правил...» 1956 года, которая была издана в 2006 году под названием «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (и переиздана в 2009 г.). Читатель получил пособие, в котором действующие на протяжении 20-го века нормы правописания дополнены и проиллюстрированы современным лексическим материалом. Кроме того, был уточнен ряд формулировок, конкретизированы некоторые рекомендации, в ряде случаев пополнены ряды исключений. Традиционная для регламентирующих источников форма заполнена новым содержанием. Однако в целом концепция орфографических «Правил...» осталась неизменной⁵.

Целью настоящей статьи является выявление случаев несоответствия традиционных нормализаторских подходов реалиям нового времени (на материале иноязычных заимствований), а также постановка вопроса о способах преодоления такого несоответствия.

2

В чем же по сути состоит принятый нормализаторский подход? Можно отметить некоторые особенности, или принципы, которые обычно принимаются как постулаты, не требующие доказательств:

1) написание любого слова, в том числе нового, должно быть единым; это единство должно быть обязательно достигнуто, даже ценой условности принятых решений;

2) изменение орфографической кодификации (если норма в итоге оказывается не оправданной временем и не подтверждается в узусе) состоит в замене одного императива на другой;

3) унификация на письме слов, в чем-либо подобных – одно из главных достоинств орфографической нормы;

4) идеал орфографического правила в простоте его применения и минимуме используемых критериев;

5) у орфографической нормы отсутствуют градации; существует лишь жесткая дихотомия правильного написания и ошибки.

Но несмотря на их кажущуюся бесспорность, применение этих принципов к новым иноязычиям обнаруживает иногда свою недостаточную эффективность.

2.1. Единство написания слова. В орфографии принято исходить из того, что любое слово должно иметь единый графический облик. Однако, как уже отмечалось в лингвистической литературе, применение этого принципа осложняется возможностью различных трактовок одного и того же языкового факта⁶, множественностью орфографических мотиваций⁷. Примерами могут служить заимствования, внешне похожие на сложносокращенные слова с аналогичной первой частью, но в той же мере могущие быть рассмотренными как созданные по заимствованной словообразовательной модели с помощью аналитического прилагательного или калькированные: *фото(-)арт, соц(-)арт, этно(-)музыка, техно(-)рок, тур(-)менеджер, масс(-)культура* (англ. *mass culture* или сокращение от *массовая культура*). Эти два подхода противоречат друг другу в плане орфографии⁸: от словообразовательной трактовки данных новообразований зависит правописание слова. Как поступить кодификатору: «подогнать» подобные написания под традиционную норму или внимательнее присмотреться к подобным частным новациям как к

признакам перемен в языке? Предпочтительнее, разумеется, второй вариант, однако он требует проверки временем.

Примеры на двоякую орфографическую мотивацию, в частности, дает противоречивость языковых аналогий. Так, орфограмму слова *бизнес(-)вумен* можно сформировать по аналогии с *бизнесмен* (слитно) или *бизнес-леди* (через дефис); номинацию *Интернет* можно уподобить нарицательным названиям средств связи (*телеграф*, *телефон*, *радио* и др. – и писать со строчной буквы), а можно – номинации *Интерпол* как уникального объекта (из чего и исходят авторы некоторых словарей); *шоу(-)рум* писать как *шоумен* или как *шоу-бизнес* и др. Слово *плеер* зафиксировано в словаре в безытовом варианте (как *леер*), однако ничто в русской системе письма (кроме кодификаторского запрета) не мешает воспроизводить его как *плейер* (ср. *конвейер*, *фейерверк*).

Иногда конфликт возникает между внутриязыковыми (либо межъязыковыми) аналогиями и этимологией слова в ее фонетическом или графическом выражении (это связано не только с орфографией, но и вообще с проблемой передачи заимствований). Так, сравним слово *ар-деко* (франц. Art Déco, где *t* немое) и слова на *арт-...*, бытующие в русском языке: *арт-салон*, *арт-кафе*, *арт-директор* и др. (созданные по заимствованной модели с использованием русифицированного элемента *арт-* от англ. *art* 'искусство'). В результате их взаимодействия в узусе появляется альтернативный вариант *арт-деко*, слово начинает испытывать колебания. Аналогичными коллизиями порождены варианты *гексаген/гексоген* (англ. *gexogen*, ср. *гексагональный*, *гексахлоран*) и *ремейк/римейк* (англ. *remake* [ri:meik], ср. *реанимация*, *регенерация*) и др. Акцентом либо на написание, либо на произношение этимона различаются варианты *имейл/е-мейл* (англ. *e-mail*), *кич/китч* (нем. *Kitsch*) и т.д.

У слова *пентхаус/пентхауз* [англ. *penthous*] возможно неоднозначное понимание этимологической основы заимствования, от которого зависит его написание: конечный глухой согласный основы при образовании плюральной формы [*penthouses*] меняет свое звучание – становится звонким. Кодификатор оказывается перед вопросом: учитывается ли позиционное изменение согласного при заимствовании или следует ориентироваться лишь на исходную форму? Для русского языка с его фонемным принципом письма этот вопрос весьма актуален. Ср. также *фрисби/фризби* (англ. *frisbee* [frizbi:] – 'игровой спортивный снаряд – «летающий диск»'), *гёрлс/гёрлз* (в составе различных названий, напр. *шоу гёрлз*, англ. *girls*), где также речь идет о выборе между глухим или звонким при передаче заимствования.

Чтобы достичь орфографического единства в подобных случаях, необходимо прийти к согласованному мнению, какую из возможных трактовок считать более обоснованной и достойной быть отраженной в орфографии. Но поскольку, как уже говорилось, принципы нормализации на сегодняшний день остаются неразработанными, кодификатору приходится принимать произвольное решение, раз за разом преумножая непоследовательность нашего правописания.

2.2. Отмена нормативного решения. В ряде случаев противодействие узуса состоявшейся кодификации оказывается настолько упорным, что вынуждает корректировать словарные написания. Это явление неизбежно вытекает из предыдущего – принципа абсолютного единства написаний, безвариантности. Хорошо это или плохо для орфографии? К сожалению, в такой ситуации приведение «теории» в соответствие с «практикой» чревато тем, что факт отмены предыдущего решения распатывает норму как таковую. Для той части пишущих, которая обычно следует за словарем, словарные рекомендации теряют свою надежность и авторитет. «Изменение привычного написания всегда болезненно для пишущих, освоивших грамоту», – констатирует С.М. Кузьмина. По ее мнению, приоритетным должен стать «принцип невнесения изменений»⁹. Но соблюдение этого принципа невозможно в ситуации, когда систематически словарно закрепляются неустоявшиеся написания. В настоящее время таким изменениям в наибольшей мере подвержены именно иноязычные неологизмы – по очевидным причинам: вопрос об их орфографическом освоении относится к наименее разработанным на сегодняшний день.

2.3. Унификация написаний у слов, обнаруживающих определенное формальное сходство, широко применяется в правописании. Однако в последнее время нередки случаи, когда новые слова сопротивляются унификации – вероятно, потому, что полученная в результате орфограмма не соответствует тенденциям, действующим в письменном языке. Распространенный случай – выравнивание написаний сложных слов, имеющих общую первую часть, представляющееся вполне логичным в свете русской орфографической традиции. Но иноязычные слова и здесь ведут себя иначе, нежели исконно русские. Так, некоторые слова с первой частью *мини-*, вопреки традиции писать данную начальную часть через дефис, имеют слитную орфограмму; среди них неологизмы *минивэн* (восходящий к слитно пишущемуся английскому этимону *minivan*), *минимаркет*, *миницикл* и некоторые другие¹⁰. Обратный случай – сопротивление контактному присоединению первой части: это, к примеру, слово

зоо(-)отель, образованное в русском языке, в котором на стыке морфем сходятся подряд три буквы «о». Сюда же относится ряд слов с первой частью *блиц...* (*блиц(-)анализ*, *блиц(-)викторина*, *блиц(-)интервью*, *блиц(-)опрос* и др.), узуальное дефисное употребление которых прецедентному слитному написанию (ср. *блицкриг*) категорически не следует¹¹. Сопротивляются унификации по слитному варианту (по аналогии с *медиа...*) и слова с первой частью *мультимедиа...* – вероятно, в силу протяженности графического ряда: *мультимедиа(-)система*, *мультимедиа(-)программа*, *мультимедиа(-)приложение*; см. также упомянутые ранее *фото(-)арт*, *соц(-)арт*, *этно(-)музыка* и др. Этимологические и структурные особенности данных слов оказываются для правописания более существенными, нежели унификация на русской почве, в результате чего происходит сдвиг традиционной нормы.

Есть еще ряд типичных случаев, когда следование принципу письменной унификации корней на базе русского языка входит в противоречие с этимологией слова. Это может затрагивать не только проблему слитного / дефисного присоединения морфем, но и буквенный состав (точнее – удвоение согласных). Последнее относится к парам *шоп* / *шоп(н)инг* (англ. shopping), *рэп* / *рэп(н)ер* (англ. rapper), а также цепочке *блог* / *блог(г)ер* / *блог(г)инг* (англ. blogger, blogging) и под.¹² Казалось бы, подход, при котором унифицируется орфография однокоренных заимствований (т.е. корень *блог* в составе любого слова пишется с одним «б» и т.д.), вполне логичен, однако он чреват так называемыми «исключениями», поскольку применяется выборочно и границы его действия невозможно четко обозначить: ср. *контроль*, но *контроллер* («электрический аппарат низкого напряжения, предназначенный для пуска и торможения электродвигателей») и *контроллинг* («инструмент планирования и анализа состояния дел на фирме, используемый для принятия решений»). Избирательность применения правила – большой его недостаток, ведущий к тому, что правило становится фактически «неработающим» (в чем можно убедиться на примере правила о сложных прилагательных). Кроме того, подобный подход рождает еще одну проблему – проблему идентификации корней: так, слова *зум* [англ. zoom увеличение] и *зуммер* [нем. Summer от summen жужжать] имеют разное происхождение, что должно быть установлено пишущим во избежание орфографической ошибки.

2.4. Простота и цельность орфографического правила, состоящая в отсутствии различных оговорок и дополнительных критериев, по общепринятому мнению, приближает его к идеалу. Такое правило – так сказать, «мечта» преподавателя-словесника. Главное, чтобы

правило было при этом лингвистически обоснованным и отражало реальную языковую ситуацию, что является залогом его эффективности.

Посмотрим, насколько эффективно простое правило об употреблении буквы «э» после согласных (которое разрешает писать эту букву лишь в ряде слов и приводит список основных исключений). Пишущий, который стоит перед задачей записать какое-л. новое слово с фонемой /э/ после твердого согласного, вынужден гадать, является ли это слово «неосновным» в ряду исключений или же его следует писать с буквой «е». И действительно, приведенным в правиле списком из семи слов¹³ и их производными область употребления постконсонантной «э» далеко не ограничивается: в «Русском орфографическом словаре» таких слов более ста. Между тем в правиле отсутствуют критерии, которые могли бы послужить ориентиром для новых слов при выборе их написания. Эти критерии проистекают из фонетических закономерностей, в соответствии с которыми графической поддержки твердого произношения требуют в основном заднеязычные и отчасти губные согласные как наиболее склонные к смягчению перед /э/¹⁴. Другая закономерность касается проблемы конца слова, т.е. случаев типа *карате*, *варьете*, *эссе* и под., где все согласные, кроме заднеязычных и «л» (ср. *нике*, *реле*), произносятся твердо, поэтому необходимость в графической поддержке твердого произношения отсутствует¹⁵. Третья связана с этимологической членимостью слова (т.е. случаев типа *пленэр*, от франц. *plein air*). Таким образом, единое правило фактически распадается на три. Составителям словарей новых слов было бы полезно обладать подобной информацией об особенностях письменного освоения заимствований: их решения по написаниям неологизмов могли бы стать более последовательными. При этом, разумеется, речь не идет об обязательном усвоении данного правила во всех его аспектах учащимися средней школы; вообще следует более четко проводить различие между задачами описания и преподавания орфографии, не смешивая вопросы исследовательские и кодификаторские с проблемой практического овладения грамотой (в настоящее время этому различию часто не уделяется должного внимания).

Аналогичным образом можно было бы попытаться усовершенствовать правило о двойных согласных, которое на данный момент сводится к рекомендации придерживаться словарных написаний. В данной области важны различия по месту употребления двойной / одиночной согласной (в середине / конце слова и по отношению к ударению), а также по количеству этимологических удвоений в слове (одно из двух обычно утрачивается, ср. *комиссия* (*lat. commissio*),

миллениум (англ. *millennium*) и под.). Следует, однако, различать закономерности, подсказанные естественным развитием языка, и умозрительные построения на синхронном срезе лексической системы, без учета ее изменений. Так, попытка применить идею проверки однокоренным словом к парам *шоп / шоп(н)инг*, *блог / блог(г)ер* и подобным обращает нас к морфологическому принципу орфографии, характерному для исконных слов, тогда как известно, что данный принцип неприменим к иноязычиям, чему можно привести немало примеров (*инженер*, но *инжиниринг*, *транскрипция*, но *транскрибировать*, *магнит*, но *магнетизм*, *альфа*, но *алфавит*, *металл*, но *хеви-метал*). Если при нормировании исходить из наличия / отсутствия в языке однокоренного слова с одиночной согласной, можно оказаться в ситуации одновременного заимствования однокоренных, и тогда появление нового этимологически родственного слова может со временем потребовать изменения орфографической нормы применительно к заимствованному ранее. «Орфографические правила необходимы; однако не следует думать, что именно они задают орфографическую норму», – пишет А.Д. Шмелев¹⁶, с чем нельзя не согласиться.

В упомянутом проекте правила о правописании слов типа *блог / блог(г)ер* привлекает его внешняя логичность и простота. Стремление к простоте применения орфографических критериев исторически привело к решению заключить заимствования в единое с исконными словами нормативное пространство, обращаться с иноязычными словами так же, как с русскими (действующие правила во всех своих редакциях принципиально едины для исконных слов и для заимствований); однако это порой чревато просчетами в кодификации. Между тем идея выделения области иноязычных слов с целью описания их орфографии в виде специальных правил или рекомендаций (при тщательной проработке вопроса об их особом статусе и степени императивности), на наш взгляд, отнюдь не лишена смысла.

2.5. Отсутствие градаций у орфографической нормы. Данное свойство связано с проблемой границ упорядоченности в орфографии и с вопросом о вариативности.

В орфографии у нас принято такое положение, при котором любое написание слова, отличное от словарного, считается ошибкой. Многолетняя, со времен Я.К. Грота, деятельность по упорядочению правописания привела к тому, что вариативность на письме табуирована в сознании многих. Между тем здесь на ряде примеров было показано, с какими трудностями порой встречается кодификатор при определении единого нормативного написания. В настоящее

время вряд ли можно утверждать, что действующие на письме тенденции ясны, однозначны, непротиворечивы и всегда могут служить основанием для кодификации новых слов.

В истории русского письма отмечались некоторые тенденции в освоении иноязычий – например, упрощение удвоенных согласных (*офицер*, нем. *Offizier*; *волейбол*, англ. *volley-ball*) или движение от дефиса к слитному написанию у сложных заимствований (*бельканто*, итал. *bel canto*; *верлибр*, франц. *vers libre*). Однако достаточно ли у нас оснований полагать, что эти тенденции продолжают действовать в изменившейся языковой ситуации? Теория проверяется практикой. Практические же наблюдения за современным письмом на данный момент не позволяют сделать такие выводы (скорее наоборот). Исторический взгляд на развитие письма, безусловно, важен, но его не следует возводить в абсолют. Даже академик Я.К. Грот, хотя и ратовал за единообразие на письме, все же не мог не отметить, что «когда в правописании господствуют рядом одно с другим два начала, то возникает вопрос: где и как провести резкую черту законности между тем и другим?» и призывал «уметь отличать важные разногласия от неважных»¹⁷. В современной же ситуации отказ от отрицания вариантности, понимание ее неизбежности в некоторых случаях и временное ее сохранение тем более могут быть оправданы стремлением избежать закрепления недостаточно мотивированных написаний.

В чем обычно видится опасность вариативности в орфографии? Вариативность отождествляется с таким положением, когда все будут писать произвольно, «как хотят», и на письме воцарится хаос. Однако этого вполне можно избежать, если иметь в виду, что вариативность вовсе не означает отсутствия отбора и вполне поддается упорядочению. Вариативность у заимствований можно ограничить, опираясь на лингвистические основания написаний.

Во-первых, следует исключить графически неправильные (в соответствии с определением А.А. Зализняка¹⁸) записи слов, т.е. не соответствующие произношению заимствованного слова, его фонетике. Примерами графически неправильной записи могут служить варианты *андерграунд* (*underground* [ʌndəgraʊnd]) и *парти* (*party* [pa:ti]) (ср. *андеграунд* и *пати*), которые зафиксированы в некоторых орфографических словарях¹⁹.

Во-вторых, известно, что существуют языковые закономерности, которые можно и следует учитывать, имея в виду ограничение вариативности. О некоторых из них, например, касающихся произношения согласных перед /э/, говорилось в разделе 2.4. Относительно удвоения согласных этимона на конце слова следует иметь в виду,

что, по нашим наблюдениям, такое удвоение обычно утрачивается, если ему не предшествует ударный гласный; если это основание будет сочтено убедительным, то с вариантами типа *фитнесс, топлесс* [англ. *fitness, topless*] также можно будет расставаться сразу. Самая трудная область – слитно-дефисные написания, но и здесь возможен отбор вариантов. Данный подход не исключен и тогда, когда заимствование, в силу своего отношения к нескольким проблемам правописания, имеет множественные правописные варианты (количество вариантов обычно пропорционально количеству орфографических проблем, связанных с этим словом: одна проблема дает два варианта, две проблемы – четыре варианта, три проблемы – восемь вариантов и т.д.; напр. *флеш-мобер, флеш-моббер, флэш-мобер, флэш-моббер, флешмобер, флешмоббер, флэшмобер, флэшмоббер*; ср. также *экз/сит(-)пол(л)*). Отобранные с помощью упомянутого подхода варианты могли бы составить допустимый диапазон варьирования орфограмм.

Стремление к последовательности нормативного отбора требует от нас сосредоточить внимание на общих вопросах письменного освоения заимствований (а не на отдельных словах и орфограммах), как то: а) следует ли пополнять ряд исключений из действующего правила употребления буквы «э» после согласных, и если да, то за счет каких слов? б) является ли неединственность консонантного удвоения в слове существенным фактором для упрощения одной пары согласных на письме? и т.д.

Логично предположить, что временное сохранение вариативности будет способствовать выявлению тенденций, о которых мы не можем в настоящее время судить достаточно уверенно. Действительно, какими мы располагаем критериями определения нормативности? Узус однозначного ответа не дает, так как в нем сосуществуют различные написания и нет надежного способа определить, что им принимается, а что нет. В узусе также могут быть распространены и некорректные написания (напр., *барсетка* [от итал. *borsetta* – сумочка или франц. *boursette* от *bourse* кошелек]). Как отличить узусальные ошибки от точек роста? К приведенным выше примерам неочевидных орфографических решений можно добавить немало других, решение по которым также требует проверки временем: *хе/эд(-)хантер* [англ. *head(-)hunter*], *спел(л)(-)чек(к)ер* [*spell-checker / spell checker*], *саунд(-)продюсер* [*sound producer*] и др. (ряд открыт). «Механизм опробования» в языке (В.Г. Костомаров) осуществляется через вариативность. Вариативность – не антипод норме, а способ ее обретения.

3

Несмотря на описанные здесь трудности орфографического нормирования иноязычных, кодифицированная норма на сегодняшний день демонстрирует свою категоричность. Доминирующий подход к языковым явлениям с однозначным мерилем «норма / ошибка» игнорирует в ряде случаев колебания, имеющие объективные основания, и мешает проявиться тенденциям письма. На наш взгляд, время поставило под сомнение незыблемость некоторых принципов нормирования, применяемых в кодификаторской практике и перечисленных в начале данной статьи. Вопреки распространенному опасению, признание этого обстоятельства не разрушает основы русского правописания, а лишь освобождает его от чрезмерного догматизма.

Обозначилась потребность в новом осмыслении понятия нормы, которая на сегодняшний день основывается на жесткой дихотомии «правильно / неправильно». Возможно, в ряде случаев целесообразно выйти из этой парадигмы и строить свои орфографические представления на тройной альтернативе «рекомендуется / допустимо / ошибочно», более соответствующей современному состоянию письменного языка. (Имеется в виду принципиальный подход к нормированию, способ нормативного мышления, парадигма которого включает ряд альтернативных возможностей и который обязательно должен быть реализован – хотя в принципе это возможно – в употреблении соответствующих словарных помет). При этом зона колебаний охватывает, разумеется, не всё правописание (масштаб нестабильности на письме не следует преувеличивать), а лишь случаи объективных затруднений в становлении нормы. Область допустимого в орфографии должна включать именно те варианты, выбор между которыми составляет проблему и которые теоретически могут претендовать на нормативность при условии их соответствующего закрепления. Принятие нормативной градации в отношении проблемных слов позволит со временем оценить, какое место каждый вариант занимает на шкале нормативности, и выделить наиболее предпочтительный. В нынешней языковой ситуации вполне оправданным представляется альтернативный традиционному кодификаторский подход, который можно охарактеризовать следующими принципами:

1) упорядоченность орфографии состоит не столько в единстве орфограмм, сколько в согласованном отношении к спорным явлениям;

2) императивная кодификация только тогда оправдана, когда она идентична уже сформировавшейся норме;

3) устойчивое колебание нормы – не ошибка, а показатель стихийных процессов в языке;

4) главное достоинство правила не в его простоте и доступности, а в логике нормообразования;

5) для иноязычных неологизмов допускается шкала письменной нормы в рамках определенного диапазона.

Примечания

- ¹ Мокиенко В.М. О некоторых актуальных проблемах культуры русской речи // Тезисы Третьей всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург). URL: http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf
- ² Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., Златоуст, 1999.
- ³ Кузьмина С.М. Проблемы нормирования орфографии и орфоэпии в условиях современной языковой ситуации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002). М., 2003. С. 232.
- ⁴ Григорьева Т.М. Ситуация орфографического режима в русском языке и ее последствия // Там же. С. 260.
- ⁵ См. об этом: Лопатин В.В. Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность, 2002, № 3; Он же. О «Правилах русской орфографии и пунктуации» // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М.: Азбуковник, 2009.
- ⁶ Кузьмина С.М. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 170.
- ⁷ Нечаева И.В. О явлении и случаях двойной орфографической мотивации // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., Языки славянской культуры, 2012. С. 148–152.
- ⁸ Нельзя не заметить, что русский язык в последние десятилетия весьма восприимчив к новообразованиям по иноязычным моделям; см. об этом Голанова Е.И. О «мнимых сложных словах» (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Лики языка. М., Наследие, 1998. С. 35; Костомаров В.Г. Указ. соч. С. 243.
- ⁹ Кузьмина С.М. Проблемы нормирования орфографии и орфоэпии... С. 234.
- ¹⁰ См. Нечаева И.В. О шоп(н)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении, 2012, № 1 (23). С. 81–82.
- ¹¹ Там же. С. 84.
- ¹² Там же. С. 75–76.
- ¹³ Мэр, пэр, сэр, мэтр, пленэр, рэп и ракет.
- ¹⁴ См. Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: Азбуковник, 2011. С. 74–75; 97.
- ¹⁵ См. Еськова Н.А. Об одной частной произносительной закономерности русского литературного языка // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тез. докл. межд. науч. конф. 26–28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 49–51.

- ¹⁶ Шмелев А.Д. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе, 2009, № 9. С. 75.
- ¹⁷ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876. С. 177–178.
- ¹⁸ Графически правильной является такая запись слова, которая, будучи прочитанной по основным правилам чтения данного языка, дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась; см. Зализняк А.А. Древнерусская графика со смещением *ѡ – о* и *ѣ – е* // Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 172.
- ¹⁹ Данное утверждение опирается на словарную транскрипцию правильного английского произношения, приведенную, например, в словарях Collins и Oxford. Надо сказать, что в словаре американского английского Webster'e дается иная транскрипция (с произносимым [ɹ]), однако при этом оговаривается, что такое произношение распространено не на всей территории США; для некоторых территорий (особенно на востоке и юге страны), оно нехарактерно.

Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в Интернет-СМИ

Статья посвящена языковой рефлексии современного белорусского общества, рассмотренной сквозь призму комментариев к новостным статьям в интернете. Анализ комментариев к тематически нейтральным, но написанным по-белорусски статьям (где сам язык служит триггером) позволяет получить информацию о языковой рефлексии в ситуации двуязычия, ранее доступную лишь через опросы. В статье показывается, что несмотря на отсутствие критики белорусского языка в СМИ, языковой конфликт всё же двусторонний: в обществе существует недовольство как самим белорусским языком, так отдельными его аспектами. В частности, критике подвергается как использование русизмов, так и использование выдуманных, по мнению комментаторов, слов, якобы не существующих в белорусском языке (что в ряде случаев противоречит друг другу).

Ключевые слова: белорусский язык, языковая рефлексия, языковой конфликт, языковой пуризм, интерференция, заимствования.

1. Проблемы многоязычного общества и белорусская языковая ситуация¹

1.1. В начале своей монографии «150 языков и политика» лингвист Владимир Алпатов пишет: «В одноязычном обществе люди редко задумываются над языковыми проблемами. Ситуация, однако, резко меняется, когда человеку приходится сталкиваться с тем, что он и его собеседники говорят на разных языках»². Сосуществование двух языков в одном обществе потенциально является источником языковых конфликтов, так как коммуникативные желания и потребности носителей разных языков часто не совпадают и противостоят друг другу.

Одна из распространенных конфликтогенных ситуаций в многоязычном сообществе – ситуация, при которой группа, говорящая на некотором региональном языке, проживает на территории государства, основным языком которого является другой язык. Этот язык

оказывается более престижным, нередко его знание оказывается необходимым для полноценной учебы, работы и досуга. Подобные ситуации усугубляются в том случае, если на территории распространения регионального языка вместе с его носителями проживает и достаточное количество людей, для которых родным является основной язык государства. Такие языковые ситуации представлены практически во всех национально-территориальных образованиях России. Так, по данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г. из 22 республик в составе Российской Федерации в половине русское население составляет большинство, а из оставшихся одиннадцати в пяти русское население находится на втором месте по численности, находясь достаточно близко по количеству к титульной нации республики. И, по всей видимости, наиболее опасными с точки зрения возникновения языковых конфликтов оказываются именно подобные ситуации, когда группа с национальным языком и группа с общегосударственным языком (в случае России – с русским) количественно примерно равны и при этом территориально перемешаны (то есть нет национального распределения по месту жительства – город/сельская местность – или по занимаемой территории). При подобном соотношении населения региональный язык оказывается достаточно престижным, чтобы осознаваться как элемент национальной идентичности и гордости, что приводит к тому, что титульное население может чувствовать себя ущемленным при недостаточной с их точки зрения представленности их языка в различных сферах общественной жизни и увеличении присутствия и обязательности государственного языка. Напротив, носители государственного языка как родного возмущаются в тех случаях, когда они вынуждены в каких-либо сферах сталкиваться с языком титульной нации, например, если он требуется при приеме на работу или изучается в школе в качестве обязательного предмета.

Примерами таких конфликтных ситуаций могут служить языковые ситуации в Татарстане, Башкортостане или на востоке Украины до начала конфликта. Так, например, преподавание русского языка как неродного и татарского как родного для всех школьников Татарстана независимо от их этнической принадлежности, по мнению русскоязычной общественности, «приводит к ущемлению прав детей получать знания по родному (т. е. русскому – А.С.) языку в полном объеме»³, в связи с чем русские Татарстана требуют снизить объемы изучения татарского языка для школьников с родным русским (в 90-е гг. речь вообще шла о факультативности изучения татарского языка для русскоязычных). В свою очередь, «татарские националисты продолжают настаивать на обязательности изучения

татарского языка в равных с русским объемах <...> и в русскоязычных школах»⁴, приводя аргумент, что большинство татарских детей также обучается в русскоязычных школах, и потому уменьшение объемов татарского языка в школе приведет к ущемлению их прав, а также в связи с тем, что прочие предметы преподаются в русскоязычных школах по-русски, что, по их мнению, делает несостоятельным тезис об ущемлении прав русскоязычных детей.

Близкие языковые конфликты описываются для Республики Коми⁵, для Республики Марий Эл⁶ и для других российских регионов.

* * *

1.2. Языковая ситуация в Беларуси⁷ имеет как общие черты с ситуациями в российских регионах, так и отличные от них. Общим является, например, то, что оба конфликтующих языка, русский и белорусский, имеют одинаковый официальный статус – являются государственными (например, в Татарстане государственными являются татарский и русский языки), а также то, что стороны конфликта имеют строго противоположные взгляды на одну и ту же языковую ситуацию (например, относительно слишком большого или же слишком малого объема присутствия одного или второго языка в образовании, публичной сфере, городской среде и т. п.).

Однако у белорусской ситуации есть два принципиальных отличия. Во-первых, в Беларуси не идет речь о языковом конфликте между представителями двух национальных групп: белорусы составляют 83,7 % населения страны⁸ и, соответственно, о судьбах русского и белорусского языков спорят между собой представители одной и той же этнической группы, что, по-видимому, является достаточно редкой ситуацией (в Европе подобный языковой конфликт представлен разве что в Ирландии, где наблюдаются разногласия среди самих ирландцев с точки зрения их отношения к ирландскому языку).

Во-вторых, в отличие от ситуации в российских регионах, в Беларуси представлен близкородственный билингвизм: конфликтующие языки взаимопонятны, и это привело к появлению на поле языкового конфликта еще и ряда смешанных идиомов. Здесь также важно отметить принципиальное отличие от Украины: в Беларуси нет преимущественно белорусско- или русскоязычных регионов. Предельно кратко описать распределение идиомов на территории Беларуси можно так: жители сельской местности говорят на диалектах белорусского языка или непрестижном смешанном русско-белорусском идиоме – трасянке; жители городов – на региональном варианте русском языке (с точностью до учета континуума идиомов между, несколько огрубляя ситуацию, практически не отличимой

от московского варианта языка речи молодежи Минска и других крупных городов, белорусским региолектом русского языка в речи старшего поколения крупных городов и молодежи райцентров и трасяной старшего поколения жителей райцентров)⁹. При этом как раз крупные города и являются «местом жительства» литературного белорусского языка интеллигенции, который (в отличие от диалектной речи) и выступает в оппозиции к русскому языку.

Не вдаваясь в подробности истории взаимоотношения русского и белорусского языков, отмечу, что говорить о постепенной русификации Беларуси можно начиная с конца XVIII века, особенно сильно – начиная с 30-х гг. XX века. Послевоенная урбанизация, статус русского языка и возможности, которые предоставляло владение им, – всё это повлияло на падение престижа белорусского языка и стремление перейти на русский. В 1990 г. белорусский язык получил статус государственного, но на референдуме 1995 г. за «придание русскому языку равного статуса с белорусским» проголосовало 83,3 % пришедших.

С 1995 г. и до сих пор в Беларуси складывается довольно парадоксальная ситуация: «государство с одной стороны вытесняет белорусский язык (заявления президента, преследования националистов, снижение числа школ, неиспользование его в администрации), а с другой поддерживает (финансирует образование, культуру, гостелевидение и так далее)»¹⁰. В связи с этим крайне интересным кажется поиск ответа на вопрос, как к подобной языковой политике относятся обычные люди.

В белорусскоязычных (зачастую оппозиционных) СМИ нередко появляются тексты в поддержку белорусского языка, в которых говорится о притеснении прав белорусскоязычных граждан, публикуются обращения возмущенных читателей и т. п. В случае наступления на белорусский язык (например, издания на русском языке чего-либо, что ранее печаталось по-белорусски) посетители белорусскоязычных ресурсов оперативно организуют отправку писем или звонки с выражением своего недовольства, что часто приводит к отмене решения. Это явление, однако, совершенно ассиметрично: автору настоящей статьи ни разу не приходилось встречать в государственных или достаточно широко распространенных негосударственных СМИ (исключая издания русско-националистического толка) публикации о слишком большой доле белорусского языка в какой-либо сфере, о насаждении белорусского языка и т. п. Связано ли это с возможным негласным запретом писать негативно о белорусском языке? Или же это значит, что конфликт исключительно односторонний: недовольны только белорусскоязычные, а русскоязычные – нет?

зычных всё устраивает? Или, возможно, русскоязычные СМИ просто пассивны по отношению к языковому вопросу?

Любой житель Беларуси знает, что ответ на вопрос об односторонности конфликта однозначно отрицательный: негативное отношение русскоязычных граждан к белорусскому языку достаточно распространено.

В одной из работ белорусской исследовательницы Алены Ленкевич¹¹ исследуется отношение к белорусскому языку в медиакурсе на материале 472 публикаций в белорусскоязычной газете «Звязда», касающихся социолингвистических проблем. Публикации были получены методом сплошной выборки из 3013 номеров газеты, которые выходили с 2000 по 2010 гг. Одним из параметров количественного контент-анализа было «отношение к белорусскому языку в обществе», где единицами анализа считались позитивные и негативные высказывания, не принадлежащие автору материала, но только цитируемые им. «В проанализированных материалах было выявлено 213 позитивных и 140 негативных мнений <...>. Это соотношение не обязательно отображает реальное отношение к белорусскому языку в обществе, перечисляя примеры позитивного отношения, авторы тем самым свидетельствуют, что фоном для их выделения являются индифферентные или негативные мнения»¹² (перевод цитат из научных публикаций здесь и далее мой – А.С.). При этом самими авторами публикаций не было высказано ни одного негативного мнения по отношению к белорусскому языку, что естественным образом вытекает из специфики газеты. Полученные А. Ленкевич данные подтверждают то, что конфликт не односторонний: недовольство русскоязычных белорусским языком также существует. Это важный вывод, уточняющий те данные, которые раньше лингвисты обычно получали методом опроса: известно, что при прямом опросе часть информантов сообщает искажённую информацию, пытаясь дать «социально одобряемые» ответы.

2. Комментарии к статьям в интернете и белорусская языковая рефлексия

В последнее десятилетие у социолингвистов в дополнение к традиционным способам получения сведений об отношении к языкам в обществе добавился еще один: речь идет об анализе коммуникации в интернете. Этот источник информации позволяет нам получить в достаточной степени объективные результаты, так как в отличие от

ситуации опроса, где по разным причинам респондент может стесняться выражать свое реальное отношение к исследуемому вопросу, в интернет-дискуссиях в нормальной ситуации комментаторы выражают свое истинное мнение. При анализе подобного материала, однако, следует помнить, что, как кажется, люди значительно чаще оставляют комментарии либо в том случае, когда они *поддерживают* именно негативное мнение, высказанное автором обсуждаемой статьи или другим комментатором (то есть они не согласны с некоторым текущим положением дел и присоединяются к критике), либо же, напротив, когда они *не согласны* с автором или кем-либо из предыдущих комментаторов и желают поспорить. Как следствие, в нормальной ситуации количество позитивных комментариев к не критикующим статьям оказывается существенно меньшим, чем количество негативных, что, на мой взгляд, делает не вполне корректным количественный анализ комментариев в чистом виде. Поэтому в этой статье, целью которой является попытка описать некоторые проявления языковой рефлексии современного белорусского сообщества, используя в качестве материала комментарии к новостным статьям в интернете, я буду ориентироваться в первую очередь на качественный, а не количественный анализ.

Настоящая статья не является первой, которая использует подобный материал для анализа отношения к белорусскому языку и белорусской языковой ситуации. В 2012 г. была опубликована статья Нины Мечковской «Народная лингвистика в белорусском интернете: метаязыковая рефлексия и языковое самоопределение»¹³, представляющая собой письменное изложение одноименного доклада, сделанного в мае 2010 г. на V Международном конгрессе белорусистов в Минске. В этой работе анализируется около 600 комментариев к опубликованной на новостном портале TUT.by статье К. Лашкевича «Беларусь на пути белорусизации», причём автор пользуется методикой как дискурс-, так и контент-анализа, классифицируя комментарии по тематике и приводя результаты разного рода подсчётов. Так, Н. Мечковская обнаруживает, что первое место по количеству занимают комментарии, посвященные собственно языку («выбор языка, оценки и характеристики языка, указания на языковые ошибки или погрешности, замечания, упреки и т. д.»¹⁴), а комментарии, посвященные самой статье и высказанным в ней идеям и оценивающие их положительно или отрицательно, занимают лишь седьмое и восьмое места соответственно. Также автор сравнивает понимание языка и языковой ситуации в народной и профессиональной лингвистике и описывает прототипические проявления метаязыковой рефлексии непрофессионалов путем выделения наиболее полярных точек зрения.

Второй работой на аналогичную тему является опубликованная в 2013 г. статья уже упоминавшейся выше Алены Ленкевич «Отношение к белорусскому языку в интернет-коммуникации (на материале дискурс-анализа комментариев на интернет-форумах)»¹⁵. Здесь в качестве материала для анализа автор использует десять дискуссий на социолингвистические темы (обсуждения на форумах и комментарии к новостным статьям о белорусском языке на TUT.by). В отличие от статьи Н. Мечковской, здесь применяется только качественный анализ, однако комментарии не классифицируются по «глобальным» темам, а, скорее, анализируются только с точки зрения того, что они могут сказать об отношении к белорусскому языку и текущей языковой ситуации, о происхождении этого отношения, а также о понимании сущности билингвизма. Автор отмечает, что отношение к языку зависит от множества факторов (и перечисляет их) и «является достаточно стабильным компонентом психической составляющей личности»¹⁶.

Настоящая статья отличается от работ предшественников тем, что для анализа берутся комментарии не только к статьям на социолингвистическую тематику, которые достаточно подробно исследованы в описанных выше работах, но и к статьям на не связанные с языком темы, где триггером метаязыковой рефлексии в комментариях является тот факт, что эти статьи написаны по-белорусски, но размещены на преимущественно русскоязычном ресурсе.

* * *

Как и в работах Н. Мечковской и А. Ленкевич, в настоящей статье для анализа были взяты комментарии к статьям новостного портала TUT.by. Этот сайт наиболее подходит для поставленных целей: он не имеет ярко выраженный политической направленности (среди представителей оппозиции достаточно велико число сторонников белорусского языка, что исказило бы результаты анализа), ориентирован на широкий круг читателей (и является наиболее посещаемым сайтом в доменной зоне .by, исключая белорусскую версию Яндексa yandex.by¹⁷) и публикует как свои материалы, так и перепечатки с других ресурсов на обоих языках, являясь при этом преимущественно русскоязычным: так, например, из 1513 статей в рубрике «Общество», опубликованных в январе–марте 2014 г., лишь 36 были на белорусском языке, при этом почти все они так или иначе были связаны с белорусской культурой. Такое соотношение языков иногда приводит к тому, что белорусскоязычные статьи становятся триггерами метаязыковых дискуссий.

2.1. Комментарии к статьям на социолингвистическую тематику

Сперва кратко рассмотрим содержание комментариев к статьям, затрагивающим языковой вопрос. Как уже было показано в упомянутых выше работах, очевидно, что социолингвистическая тематика достаточно сильно интересует читателей портала. Тексты, посвященные белорусскому языку или людям, на нем говорящим (в том случае, если это является основной характеристикой описываемых в статье людей), собирают значительное количество комментариев. Так, под опубликованной 5 декабря 2013 г. короткой новостной заметкой «Минчанка не смогла купить клей-карандаш в киоске „Белсоюзпечатать“, так как продавец не поняла белорусский язык»¹⁸ на 23.04.2015 было оставлено 1752 комментария при среднем количестве комментариев в остальных 539 статьях рубрики «Общество» за тот же месяц, равном 103.

Тематика дискуссий в комментариях к подобным статьям с глобальной точки зрения достаточно однообразна. Ярким примером служит опубликованная 22 февраля 2010 г. онлайн-конференция с директором Института языка и литературы Национальной академии наук Беларуси Александром Лукашанцем¹⁹: большая часть комментариев к ответам А. Лукашанца относится либо к теме, которую можно условно описать как «Белорусского языка слишком *мало*», либо к теме «Белорусского языка слишком *много*» (ср. с описанной выше ситуацией в Татарстане). Этими двумя макротемами можно описать достаточно большую часть комментариев к различным новостным статьям о белорусском языке: вопросы о том, должны ли объявления в метро, надписи на проездных билетах, преподавание истории и географии Беларуси и т. п. быть на белорусском языке, часто обсуждаются именно с апелляцией к одному из двух этих тезисов. Следует также отметить, что соотношение количества комментариев с противоположными точками зрения резко отличается от ситуации в стандартном дискурсе в СМИ, где, как уже упоминалось выше, встречаются исключительно тексты о недостаточном присутствии белорусского языка в публичном пространстве Беларуси, но не о его чрезмерном количестве.

В статье А. Ленкевич упоминаются самые распространенные «языковые мифы» (по П. Гарретту²⁰) вокруг белорусского языка: «белорусский язык непригоден для науки; нет „чистого“ белорусского языка; белорусский язык мертвый / несовременный / искусственный / бедный / диалект русского»²¹. Проведенный мной анализ подтверждает выделение этих мифов как наиболее значимых; к этому списку я бы также добавил миф о том, что проблема с белорусским языком

надуманная / слишком муссируемая. По мнению людей, поддерживающих его, с белорусским языком всё в порядке, те, кому он нужен, не имеют проблем с его использованием, но языковые активисты слишком много и часто говорят об угнетении белорусского языка, тем самым вызывая его отторжение у остальных жителей Беларуси.²²

(1) Достали уже своей мовай, на какой хочю-на такой говорю и разные деятели от мовы уже в печенках сидят!²³

Перечисленные выше мифы во многих случаях оказываются взаимосвязаны и, по сути, дробятся на пересекающиеся подтемы. Так, к мифу «белорусский язык – мертвый язык» можно отнести следующие идеи: на улицах невозможно услышать белорусскую речь, никто не понимает по-белорусски, пора перестать пытаться его оживить, белорусский язык не отражает современные реалии и т. п. – что, безусловно, связано с мифами о белорусском языке и как о бедном, и как о несовременном, и как о неполнофункциональном. Ср. следующее высказывание, отражающее некоторые из этих идей:

(2) какая разница на каком языке говорить. многие говорят на белорусском, чтобы человек ничего не понял, о чем речь. белорусский язык - это язык мертвый, это надо признать. насилие над языком- нет нормального перевода на современный язык, перевертыши какие-то получаются. лучше говорить по-русски, так тебя быстрее и охотнее поймут.²⁴

Особо интересны комментарии о белорусском языке как искусственном, в которых белорусский язык описывается либо как искусственно созданный националистами в начале XX в., либо как сознательно отдаляемый от русского в наше время (в отдельных случаях как «исковерканный русский»):

(3) <...> А по делу - белорус в деревне на мове не говорил. В Деревне трасянка, причём в каждой деревне своя. Жителю деревни выучить литературную белмову намного сложнее чем выучить литературный русский, потому что она искусственная и нашипигована полонизмами.²⁵

Этот миф связан в том числе с наличием двух стандартов у современного литературного белорусского языка и особенно характерен для комментариев к лингвистическим статьям, написанным на белорусском языке, поэтому будет подробнее рассмотрен ниже в соответствующем разделе.

В статьях, посвященных не самому языку, а белорусскоязычным людям (в первую очередь, если темой статьи является скандал, связанный с использованием белорусского языка; ср. упомянутую выше заметку о клее-карандаше), на первый план также выходит тема необоснованной, по мнению комментаторов, принципиальности бе-

лорусскоязычных, не желающих использовать более понятный язык (т. е. русский) для улучшения коммуникации и использующих белорусский язык для провокаций или собственного пиара (ср. также пример (2), где идет речь о людях, использующих белорусский язык, чтобы оставаться непонятыми):

(4) Если бы ее не поняли ни на одном из государственных языков – тогда и поднимала бы шум. А так... Просто наглая интриганка, желающая засветиться.²⁶

Отдельного внимания заслуживает тот факт (отмеченный в том числе и в работе А. Ленкевич²⁷), что сторонники белорусского языка нередко выступают в его защиту на русском языке, что в большинстве случаев связано не с желанием быть более понятными для оппонентов, а с банальными затруднениями при продуцировании белорусской речи:

(5) <...> мне не важно на каком читать, на родном или на русском. Писать конечно я не силен в белорусской мове, а вот с чтением проблем нет.²⁸

Особо отметим, что в подобных дискуссиях термин *родной язык* используется практически исключительно в значении *язык этноса*, т. е. как синоним белорусского языка, а не как *основной язык носителя*. В последнем значении этот термин лишь иногда используется противниками белорусского языка:

(6) Все мои предки – славяне, деды и прадеды, в основном, из Витебской области. И никто из них не употреблял мову!!!! Кто-то из них говорил на простом народном языке, но не на мове! И штамп «матчына мова» вызывает у меня отвращение из-за его лживости. Моя Родина- Беларусь, **мой родной язык – Русский!**²⁹ (выделение мое – А.С.)

Это явление – русскоязычные комментарии в защиту белорусского языка – приводит к воспроизведению время от времени следующего сценария: один из комментаторов возмущается нынешним положением белорусского языка, используя для написания своего комментария русский язык, что воспринимается другими участниками дискуссии как повод укорить первого комментатора:

(7) ХХ: Абсолютно не согласен с сим учёным мужем! Беларуская мова загнана за последние 20 лет почти в резервацию! Беларусы **ЛИШЕНЫ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧАТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА БЕЛАРУСКОЙ МОВЕ**. И ещё, уважаемый учёный! А сколько беларускамоуных школ открылось за последние 20 лет? А? <...>

УУ: А чего на русском то? Начните с себя. <...>³⁰

(8) ХХ: Что они хотят? Приехали, будьте любезны уважать наш язык и культуру, не нравится - никто не держит!!!! И вообще давно пора ввести только белорусский, а русский пусть будет иностранным.

УУ: А что ж ты по русски пишешь, с себя начни, прежде чем другим указывать.³¹

Таким образом, в комментариях к статьям, посвященным языковым проблемам, ожидаемым образом разворачиваются социолингвистические дискуссии, и соотношение позиций в комментариях (примерно равное³² присутствие как сторонников белорусского языка, так и его противников; как людей, полагающих, что белорусский язык слишком мало представлен в обществе, так и людей с противоположной точкой зрения) не совпадает с аналогичным соотношением, представленным в публицистике (где языковой конфликт освещен однобоко – только с точки зрения дискриминации белорусского языка и его носителей). При этом, что особо важно, многие комментарии защитников белорусского языка написаны по-русски (из чего следует неверность импликации «любить белорусский язык – говорить на белорусском языке»), что, однако, иногда вызывает негодование других пользователей.

2.2. Комментарии к белорусскоязычным статьям на неязыковую тематику

2.2.1. Общее недовольство белорусским языком

Всё вышеописанное, в общем-то, было достаточно естественно ожидать от комментариев к статьям на социолингвистическую тематику. Но, как указывалось выше, языковой вопрос обсуждается не только в комментариях к подобным статьям. Интересным образом статьи, по содержанию никак не связанные с языковыми проблемами, но написанные на белорусском языке и размещенные на преимущественно русскоязычном новостном портале, сами по себе становятся триггером для начала социолингвистических дискуссий в комментариях. Комментарии к такого рода статьям ранее не становились предметом анализа в научных публикациях.

Ярким примером служит, например, следующие комментарии к новости о разбойном нападении на водителя (приводится начало обсуждения)³³:

(9) АА: Пишите статьи на русском, пожалуйста!!! Невозможно же читать!

ВВ: СОГЛАСНА!

СС: Учите родную мову, будет читать легче!!!

DD: Стыдно не знать языка своей страны.

Следующие шесть комментариев также посвящены укорам в адрес АА и ВВ или обсуждению собственно языковых вопросов, и лишь 11-й комментарий относится непосредственно к содержа-

нию статьи. Всего же из 94 комментариев к материалу 79 так или иначе посвящены языку (правда, в части из них обсуждается и тема статьи), причем значительная часть комментариев в защиту белорусского языка написана по-русски. Следует также отметить, что все комментарии, в которых высказывается негативное отношение к белорусскому языку, получают крайне низкую оценку (на форумах портала TUT.by у пользователей есть возможность поднимать или опускать на один балл оценку любому комментарию). При этом, однако, в дискуссию вступают и люди, солидарные с автором первого комментария:

(10) ЕЕ: 1 статья на бел и 19 на рус. Какой в этом смысл?

FF: Учи сам эту исковерканную «мову», даже слова не подобрать к тем кто так коверкает наш язык!³⁴

Подобная ситуация в комментариях к белорусскоязычным статьям на неязыковую тематику встречается если и не постоянно, то, по крайней мере, не настолько редко, чтобы считать описанный выше пример уникальным. Ср. аналогичные высказывания из комментариев к трем другим материалам (во всех трех случаях у комментариев отрицательный рейтинг):

(11) Даже читать не хочется на белорусском языке!³⁵

(12) Статья интересная, только на русском языке напишите. Понимаю что гугл есть, но не читать корявый перевод это не то.³⁶

(13) я за белорусский язык и текста на бел.яз... но было бы круто, если сделали кнопку, на которую нажимаешь – и тебе открывается грамотный перевод на рус. яз © заранее спасибо ©³⁷

Благодарность за использование журналистами белорусского языка, выраженная словесно и не написанная в ответ на другую реплику, встречается крайне редко; в большинстве случаев свою позицию читатели выражают «минусованием» комментариев, с которыми они не согласны, или вступлением в перепалку с автором ругательного комментария. Ср. редкий пример-исключение:

(14) Як прыемна чытаць навіну на мове!³⁸ (Как приятно читать новость на мове – А. С.)

Это подтверждает (хотя и без доказательства точными цифрами) высказанный выше тезис о том, что негативных отзывов в интернете больше, чем позитивных (с поправкой на то, что в данном случае речь не идет о комментариях-ответах, где наблюдается противоположная ситуация: один негативный комментарий по отношению к белорусскому языку обычно влечет за собой появление нескольких комментариев в защиту языка).

2.2.2. Недовольство отдельными аспектами белорусского языка

Особую группу составляют комментарии, авторы которых не возражают против белорусского языка в целом, однако их раздражение вызывают некоторые аспекты его существования.

Среди причин раздражения негативно настроенных комментаторов особо выделяются два фактора: во-первых, слишком русифицированный язык статей, а во-вторых, использование слов, неизвестных комментаторам (как видно, эти две претензии забавным образом противоположны друг другу).

Недовольство русифицированностью белорусского языка – распространенное явление среди людей, использующих белорусский язык в повседневной жизни. Оно не беспочвенно: у этого недовольства есть исторические причины. В 30-е гг. XX в. действительно велась языковая политика, направленная на приближение белорусского языка к русскому (орфографическая реформа 1933 г., затрагивающая в том числе и грамматику, переписывание переводных словарей и т. п.), см., например, работу Станислава Станкевича³⁹. Как следствие этого процесса в современном белорусском языке есть два литературных стандарта (подробнее ниже), один из которых – официальный – существенно ближе к русскому, чем второй.

Рассмотрим типичный комментарий борца с русифицированностью. Написав в статье о смерти белорусского поэта Рыгора Бородулина комментарий

(15) Трасянка руліць!⁴⁰,

человек получает много минусов, после чего поясняет свой комментарий:

(16) Это высказывание, которое никоим образом не касается Великого Человека, было сказано, про язык, на котором написана статья. А минусуют видимо знатоки мовы. Про Великого Белорусского можно было написать не на «як чуюм так и пишам»⁴¹

Как видно, комментатор обвиняет авторов статьи (а также и участников форума, «минусующих» его первое высказывание) в плохом владении белорусским языком: в первом комментарии он сравнивает язык статьи с трасянкой (намекая на его русифицированность), а последнее его высказывание, которое переводится как «как слышим, так и пишем» и является распространенной характеристикой белорусской орфографии, в восприятии комментатора от уровня орфографии переходит на сам язык, метафорически обозначая его упрощенность и элементарность в негативном смысле. При этом комментатор ни словом не поясняет свое мнение, представляя его как по умолчанию объективное.

В других случаях комментаторы прямо указывают, какими словами они недовольны. Иногда, однако, авторы статей получают обвинения в незнании белорусского языка и в использовании русских слов, пересчитанных по правилам белорусской фонетики, даже в тех случаях, когда возмущающие комментатора лексемы приводятся официальными словарями как единственный или первый в синонимическом ряду переводной эквивалент для русских слов. Ср, например, следующий комментарий к статье «П'яны вадзіцель хацеў незаконна перасекчы беларуска-літоўскую граніцу»:

(17) Граніца... Вадзіцель... А пагранічнікі напэўна былі ўзброены ружжом, не?⁴²

Комментатор имеет в виду, что вместо слова *граніца* следовало употребить исконно белорусское *мяжа*, вместо *вадзіцель* – заимствованное из польского *кіроўца*, иронично предполагая, что и пограничники были вооружены *ружжом* (а не *стрэльбай*). Однако в самом авторитетном русско-белорусском словаре под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки, отражающем официальную норму, *вадзіцель* является единственно возможным переводом, *граніца* переводится как «*граніца, мяжа*», и только для *ружся* перевод *ружжо* дается на втором месте после *стрэльбы*, также являясь допустимым. Основная проблема же в том, что случаи типа конкуренции русизма *вадзіцель* и полонизма *кіроўца* не имеют решения при одновременном пуристическом стремлении пишущего избегать русизмов и необходимости пользоваться официальной нормой.

Часто, впрочем, критика в комментариях направлена не на слова, употребленные в самих статьях, а на русизмы, встреченные комментаторами в реальной жизни (отмечу, что ниже приводятся комментарии к русскоязычным статьям, в которых в принципе невозможна критика белорусского языка автора):

(18) <...> неплохо бы под ту же кампанию наконец дверные таблички «К САБЕ» в НацБиблиотеке поменять «ДА СЯБЕ»...⁴³

(19) Ну дак всё закономерно «Пераход да ПАЯЗДОУ маскоўскай лініі» в действии. Кто такие «ПАЯЗДЫ» и почему не цягнікі?⁴⁴

* * *

Однако возмущения описанного выше типа не очень интересны. Во-первых, они не новы (проблема русифицированности белорусского языка обсуждается в публицистике уже более века), а во-вторых, в целом не лишены оснований (хотя вполне могут быть безосновательны применительно к конкретной статье портала, под которой оставлен комментарий): русско-белорусская интерференция действительно наблюдается в языке СМИ, и эта проблема описывает-

ся не только в комментариях в сети и публицистических текстах, но и исследуется в научных работах, ср., например, диссертацию А.И. Малько⁴⁵ и ряд других работ.

Более интересен второй тип негативных комментариев, в которых осуждаются неизвестные автору записи слова. Сталкиваясь с такими случаями, комментаторы объясняют их либо неграмотностью или словотворчеством журналиста, либо сознательным ухудшением языка профессиональными лингвистами. Такие комментарии являются частным проявлением общего стереотипа об «искусственности» белорусского языка, о котором шла речь выше, а в целом являются элементом более широкого мифа о вредительской деятельности профессиональных лингвистов, распространенного, в том числе, и в России⁴⁶.

В нынешней белорусской языковой ситуации лексикографический конфликт усугубляется и сосуществованием двух стандартов литературного белорусского языка – официального и (нео)классического варианта (тарашкевицы), что кратко упоминалось выше. Эту точку зрения разделяют, однако, не все белорусисты, придерживаясь мнения, что значимые различия между вариантами имеются лишь в орфографии, тогда как все остальные различия слишком незначительны, чтобы можно было говорить о двух нормах. Тем не менее есть и лингвисты, согласные с тезисом о плюрализме нормы современного белорусского языка. Так, например, С.А. Важник отмечает, что языковая ситуация в Беларуси характеризуется «наличием двух вариантов СБЛЯ: официального (кодифицированного) и инновационного (альтернативного)»⁴⁷, при этом автор выносит в отдельный пункт «сосуществование и даже конкуренцию двух орфографических систем: „тарашкевицы“ и „наркомовки“», что говорит о том, что лингвист видит различие между нормами не исключительно в различии орфографий. Директор Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси профессор А.А. Лукашанец, говоря о том, что следует относить к белорусской речи, среди «чистых типов речи (в границах одной языковой системы или подсистемы)» выделяет в том числе «общелитературный язык (устную и письменную разновидность)» и «„тарашкевицу“ (устную (!) и письменную разновидность)»⁴⁸ – что прямо свидетельствует о существовании, по мнению автора, значимых различий между нормами не только на письме. Целый ряд статей, посвященных доказательству существования двух различных норм СБЛЯ, есть у И.П. Климова, ср.: «Отличия между тарашкевическим и советским стандартом охватывают почти все языковые уровни за вычетом фонологического»⁴⁹ (см. также библиографию в сноске 1 цитируемой статьи) или «Эти [перечисленные выше в цитируемой статье – А.С.]

различия еще не настолько существенны, чтобы говорить про существование двух литературных языков, но достаточно системы и регулярны, чтобы говорить о двух стандартах одного литературного языка»⁵⁰.

Более того, на мой взгляд, можно говорить не просто о сосуществовании двух норм, но и об их диффузности: если на каждом конкретном уровне языка любой текст можно более или менее однозначно атрибутировать с точки зрения принадлежности к одному из двух стандартов (для обеих норм можно перечислить характерные только для одной из них принципы передачи заимствований, окончания некоторых морфологических форм, конкретные лексемы и т. п. – и, соответственно, отнести конкретный текст по каждому уровню к одному из стандартов), то по совокупности особенностей на всех уровнях языка (в первую очередь, на уровне лексики) два литературных стандарта белорусского языка скорее представляют собой континуум. Речь идет о том, что тексты, совмещающие черты одновременно обоих стандартов, нередки: так, например, можно легко найти тексты, написанные наркомовкой (т. е. по официальным правилам орфографии), но при этом использующие характерные для классического стандарта лексемы, принципы передачи заимствований и морфологию; или же тексты, банально использующие большее или меньшее количество лексем, характерных для того или иного стандарта, не отдавая предпочтение только какому-то одному из них. Такой плюрализм норм и возможность их совмещения в пределах одного текста приводит к конфликтам в комментариях и за их пределами: так, например, по мнению некоторых комментаторов, выбор организаторами Минского фестиваля языков варианта перевода слова *языков* согласно официальной норме (т. е. *моў*, а не *моваў*) автоматически свидетельствует об их языковой некомпетентности и даже, как следствие, о низком качестве всего мероприятия, ср.:

(20) Моў ці моваў? Я ў разгубе!)))

<...>

Не ў тарашкевіцы справа, а ў лінгвістычнай логіцы. Таму, на жаль, не далучуся да прыхільнікаў праекту, бо ад пачатку не адчуваю кампетэнтнасці.⁵¹

(*Моў или моваў? Я в растерянности!*)))

<...>

Не в тарашкевице дело, а в лингвистической логике. Поэтому, к сожалению, не присоединюсь к сторонникам проекта, так как изначально не чувствую компетентности – А.С.]

При этом можно с большой степенью уверенности предположить, что при выборе организаторами варианта *моваў* количество возмущенных комментаторов, требующих варианта *моў* как един-

ственно нормативного, было бы не меньшим. Ср. строго противоположное возмущение той же флексией из комментариев к новостной статье:

(21) «Праграмы Клуба адаптаваныя да патрэбаў».

а чаму не «да патрэб»?⁵²

[«Программы Клуба адаптированы к потребностям»
а почему не «да патрэб»? – А.С.]

* * *

На лексический конфликт в не меньшей степени влияет и тот факт, что в отличие от русского языка литературный белорусский не употребляется в достаточной степени широко, чтобы процессы закрепления лексики шли в полной мере естественным путем. Это приводит к появлению достаточно редкого для русской языковой ситуации вопроса «существует ли в белорусском языке слово Х?» (ср., например, цитату (17) о словах *граніца*, *вадзіцель* и *ружжэ*, косвенно относящуюся к этой же теме). И действительно, если для носителя русского языка ситуация, когда в тексте стандартной статьи в СМИ встречается незнакомое слово, является, пожалуй, исключительной, то для белорусского читателя это не столь редкое явление. И если для кого-то это повод проверить свои знания по словарю, кто-то другой автоматически приходит к выводу о несуществовании этого слова в белорусском языке:

(22) «Маладзёнаў» - это конечно перл. Очередной результат по улучшению мовы отделом мовознаўства Академии наук. Не иначе полугодовой план выполнили. Можно и премию требовать.⁵³

(23) Торкнуло ему написать «маладзён» - вот и написал! У нас теперь каждый сам себе лингвист. Всё можно списать на то, что ты, мол нифига в белмове не смыслишь, а я -- понимаю! Бред, одним словом! И так у родной мовы было мало сторонников, а благодаря «маладзёнам» еще меньше станет. P.S. Я вообще думал, что это молодожен...⁵⁴

Примеры (22) и (23) взяты из комментариев к разным статьям. Но если пример (22) иллюстрирует один из основных стереотипов – намеренное обновление языка лингвистами, то в примере (23) представлен взгляд комментатора на восприятие языкового пуризма «обычными» людьми – в некотором смысле отражающий реальную ситуацию. В последние двадцать пять лет языковой пуризм и народное словотворчество является реакцией на русифицированность белорусского языка официальных изданий как советского периода, так и современных: ср., например, мнение С.А. Важника, который пишет (правда, применительно к языку интернета) о «довольно мощной тенденции к игнорированию / разрушению (либерализации) официальных норм и к частичной их замене инновационными

вариантами, имеющими контрастивный характер по отношению к русскому языку и официальному варианту СБЛЯ»⁵⁵. В попытках дистанцировать белорусский язык от более сильного русского, некоторые авторы текстов нередко прибегали и прибегают к использованию устаревшей или диалектной лексики, а также неологизмов, образованных от исконных корней, следуя принципу «чем меньше похоже на русский, тем более по-белорусски». Как следствие таких процессов, в представлении людей, не использующих белорусский язык в своей жизни, не только явные проявления языкового пуризма, но и некоторые особенности, действительно присущие даже официальному стандарту белорусского языка, упрощаются до восприятия любых неизвестных комментатору слов как выдуманных лингвистами или автором текста – в том числе и с целью «элитаризации» белорусского языка, превращения его в язык узкой группы.

Так, например, в случае примеров (22) и (23) комментаторы не правы. Слово *маладзён* встречается не только в словарях начала XX в., на лексический состав которых ориентируются пуристы, например, в словаре Вацлава Ластовского 1924 г. издания как перевод слова *юноша*, но и в современных академических словарях: главных русско-белорусском словаре под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки и белорусско-русском словаре под редакцией К. Крапивы (как перевод слова *юнец*). В современных текстах, правда, это слово используется в нейтральных контекстах – как аналог русского *молодой человек, юноша*.

Аналогичные примеры можно найти и в связи с другими словами:

(24) Уважаемый тут бай. Вы когда изобретаете новые слова типа «МАПА» – объясните пожалуйста. В каком словаре вы откопали это слово?⁵⁶

(25) Что за слово – «адлічбавалі». Это как? Меня оно так озадачило, что дальше читать не смог. Неужели – оцифровали? Совсем не звучит.⁵⁷

(26) АА: велосипедистов уже перевели в «роварысты» – Академия мовазнаўцаў не дремлет. Оригинально! Ждём новых тэрмінаў.

ВВ: Не паказвайце сваю неадукаванасць. Слова «раверыст» – ад слова «ровер» – «велосипед» па-руску. (Не паказывайце сваю неабразованнасць. Слово «раверыст» – от слова «ровер» – «велосипед» па-руски. – А.С.)

СС: Беларашан лэнгвідж епрст.

DD: ВВ... Вы паказалі сваю «адукаванасць» і нецярплінасць да ўсяго рускага. А чаму тыды не «раваровец» або «равароўца»? Можна яшчэ «рававод» або «ровермэн»!

Персанальна для Вас даводжу, што слова «велосипед» не рускага паходжання. [ВВ... Вы паказалі сваю «образованнасць» і нетерпи-

мость ко всему русскому. А почему тогда не «раваровец» или «равароўца»? Можно ещё «рававод» или «ровермэн». Персонально для Вас сообщаю, что слово «велосипед» не русского происхождения. – А.С.Ј⁸⁸

Приведенное в примере (24) слово *мана* ‘карта’ действительно не встречается ни в современных переводных, ни в пятитомном толковом словаре, однако присутствует в белорусско-русском словаре 1925 г. и в белорусско-русском словаре безэквивалентной лексики 1994 г., а также употреблялось в одобренных Министерством образования учебниках по истории Беларуси выпуска начала 2000-х годов. Слово *адлічбаваць* из примера (25) по понятным причинам отсутствует в старых словарях, но также и в «Словаре новых слов белорусского языка» 2009 года издания (в нем, однако, имеется слово *лічбавы* ‘цифровой’): возмущение этим словом отражает отмеченное в уже неоднократно цитированной здесь статье А. Ленкевич любопытную антиномию: «с одной стороны, белорусский язык называют несовершенным, а с другой, высказываются против освоения им новых слов, связанных, например, с компьютеризацией и информатизацией»⁵⁹. Что касается слова *ровар* и родственных ему (пример (26)), то оно отсутствует в переводных словарях, однако есть в пятитомном толковом словаре со значением «веласіпед» и пометой *обл.* и со значением «тое што і веласіпед» без помет в Литературном толковом словаре (правда, вопрос о том, как от этого корня образовать слово со значением ‘велосипедист’, толковые словари оставляют открытым).

Итак, приведенные примеры показывают, что при текущей языковой ситуации в белорусском обществе для того, чтобы в комментариях к новостной статье обсуждались социолингвистические проблемы, вовсе не обязательно, чтобы исходный материал также был посвящен социолингвистике: иногда достаточно лишь того, чтобы он был написан по-белорусски. При этом подобные комментарии можно условно разделить на два типа: те, где высказывается недовольство белорусским языком в целом (в частности, использованием его для написания новостных статей), и те, где комментаторы выражают недовольство по отношению к отдельным языковым аспектам. В свою очередь, комментарии второго типа также можно разделить на две группы: те, где объектом критики выступает реальная или мнимая русифицированность языка статей, и – более интересный случай – те, где, напротив, встречаются неизвестные комментатору слова, которые тот объясняет «вредительской» деятельностью профессиональных лингвистов, неграмотностью журналиста или же его желанием выделиться и «элитаризировать» белорусский язык, сделав его непонятным для непосвященных.

Ситуация усложняется наличием двух стандартов литературного белорусского языка и их диффузностью, из-за чего комментаторы могут возмущаться частными проявлениями (фонетическими – с точки зрения передачи заимствований, грамматическими, лексическими) использования автором текста не того стандарта, который оценивается комментатором как правильный. Наконец, дополнительную сложность в ситуацию вносит тот факт, что из-за особенностей бытования белорусского языка процесс закрепления новой лексики и исчезновения старой проходит не вполне естественно, следствием чего является актуальность вопроса «Как определить, существует ли некоторое слово в языке?», не столь частого и не столь важного в моноязычных языковых сообществах. Этот вопрос чрезвычайно интересен для лингвистов-теоретиков, но одновременно и крайне труден для лингвистов, занимающихся нормализаторской деятельностью, и весьма болезнен для рядовых носителей как белорусского, так и русского языка в Беларуси.

Схема 1.

3. Заключение

1. Анализ комментариев к новостным статьям в интернете подтверждает сделанные другими лингвистами выводы, что несмотря на то, что в СМИ языковой конфликт в современной Беларуси представлен только односторонне – как дискриминация белорусского языка и белорусскоязычных, на самом деле конфликт двусторон-

ний: существует также и люди, негативно относящиеся к белорусскому языку.

2. Статьи на социолингвистическую тематику ожидаемым образом провоцируют дискуссии в комментариях. Пишущих комментариев (в отличие от «минусующих») противников белорусского языка оказывается, по крайней мере, не меньше, чем его сторонников (что не соответствует представлению языкового конфликта в СМИ), причем многие комментарии защитников белорусского языка написаны по-русски, что вызывает порой негодование его противников.

3. Социолингвистические дискуссии в комментариях встречаются и под статьями, не касающимися языковой темы: в таком случае триггером выступает сам факт публикации белорусскоязычной статьи.

Комментарии социолингвистического содержания, оставленные под такими статьями, можно разделить на две группы: выражающие недовольство белорусским языком в целом и высказывающие недовольство по отношению к отдельным аспектам белорусского языка. Комментарии второго типа также можно разделить на две подгруппы: те, где комментаторы недовольны русифицированностью белорусского языка (в самой статье или за ее пределами), и те, где комментаторы встречают незнакомые им слова и возмущаются ими. Наивные носители могут объяснять это либо целенаправленной деятельностью лингвистов по изменению языка, либо неграмотностью журналиста, либо его желанием намеренно сделать белорусский язык менее понятным, «элитарным» (что в некоторой степени соответствует истине: некоторым носителям белорусского языка присущ языковой пуризм, имеющий целью сознательную дивергенцию русского и белорусского языков). Важно, что для комментариев из обеих подгрупп в части случаев критика оказывается необъективной: критикуемые комментаторами лексемы на самом деле допускаются словарями.

Ситуация осложняется наличием двух стандартов литературного языка и их диффузностью, в связи с чем критиковаться могут проявления того стандарта, который оценивается комментатором как неверный.

Наконец, из-за ограниченного бытования белорусского языка процессы обновления лексического состава происходят не вполне естественным путем, из-за чего возникает принципиальный конфликтногенный вопрос о существовании того или иного слова в белорусском языке, едва ли возможный в аналогичной ситуации в моноязычном обществе или при сбалансированном билингвизме.

- 1 Я хотел бы поблагодарить анонимного рецензента за объективную критику и ценные советы и указания.
- 2 *Аллатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000 гг. М.: Краф+ИВ РАН, 2000. С. 11.
- 3 *Ходжаева Е.А.* Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения // *Неприкосновенный запас*. 2011. №6 (80). С. 245–254. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/ho19.html> (дата обращения: 23.04.2015).
- 4 Там же.
- 5 *Шабав Ю.П., Шилов Н.В., Денисенко В.Н.* Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров // *Этнографическое обозрение*. 2009. №2. С. 92–105.
- 6 *Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (по материалам социологического исследования 1994 г.). Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995.*
- 7 В русском языке употребляются два топонима для обозначения этого государства – *Белоруссия* и *Беларусь*. Не останавливаясь подробно на этом лингвополитическом споре, в настоящей статье я буду использовать вариант *Беларусь*.
- 8 Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Таблица 5.8. Население по национальности и родному языку. Республика Беларусь. URL: http://belstat.gov.by/uploads/file/GU_demogr/5.8-0.pdf (дата обращения: 23.04.2015).
- 9 *Сомин А.А.* Русский язык в Республике Беларусь // *Русский язык зарубежья*. СПб: Златоуст, 2013. С. 171–201; *Лисковец И.В.* Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб: ЕУСПб, 2006.
- 10 *Коряков Ю.Б.* Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2002. С. 63.
- 11 *Лянкевіч А.У.* Стаўленне да беларускай літаратурнай мовы і змешанага маўлення ў медыя-дыскурсе (на матэрыяле публікацый у газеце «Звязда») // *Веснік БДУ*. Серыя 4, 2011, № 3. С. 34–38.
- 12 Там же. С. 35.
- 13 *Мячкоўская Н.Б.* Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнеце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне // *Новае слова ў мовазнаўстве: матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы» (20–21 мая 2010 года) / пад рэд. С.М. Запрудскага, Г.А. Цыхуна.* (Беларусік=Albaruthenica; кн. 32). Мінск, 2012. С. 260–272.
- 14 Там же. С. 262.
- 15 *Лянкевіч А.* Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі (на матэрыяле дыскурсу-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах) // *Acta Albaruthenica*. Т. 13. Warszawa, 2013. S. 145–159.
- 16 Там же. С. 153.
- 17 *Дорошевич М.* Белорусская интернет-аудитория, март 2014. URL: http://www.slideshare.net/gemius_belarus/gemius-belarus-totalmarch2014 (дата обращения: 23.04.2015).
- 18 <http://news.tut.by/society/377705.html> (дата обращения: 23.04.2015).
- 19 <http://news.tut.by/society/161922.html> (дата обращения: 23.04.2015).

- 20 P. Garrett. Attitudes to language. Cambridge, 2011. P. 10–11.
- 21 *Лянкевіч А.* Указ. соч. С. 151.
- 22 В примерах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.
- 23 Комментарий к статье «Трусаў: «Вось уявіце сабе, што заўтра Лукашэнка перайшоў на беларускую мову...»», 23.06.13, 18:59. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14117645> (дата обращения: 23.04.2015).
- 24 Комментарий к той же статье, 23.06.13, 18:41.
- 25 Комментарий к статье «Какой транслит правильный?», 08.09.12, 14:02. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14081447&page=5> (дата обращения: 23.04.2015)
- 26 Комментарий к статье «Минчанка не смогла купить клей-карандаш в киоске “Белсоюзпечать”, так как продавец не поняла белорусский язык», 06.12.13, 14:14. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14138126&page=21> (дата обращения: 23.04.2015).
- 27 *Лянкевіч А.* Указ. соч. С. 150.
- 28 Комментарий к статье «Сямімесячнае дзіця выратавала ад гвалтоўнай смерці свайго бацьку-таксіста», 29.04.13, 18:39. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14110598> (дата обращения: 23.04.2015).
- 29 Комментарий к статье «Минобразования приветствует желание учителей преподавать некоторые предметы на белорусском языке», 01.02.14, 16:10. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14145069> (дата обращения: 23.04.2015).
- 30 Комментарий к статье «Лукашанец: Школы дают достаточные знания по белорусскому языку», 13.08.13, 21:59. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14124053> (дата обращения: 23.04.2015).
- 31 Пример из комментариев к статье «Для моего сына белорусский язык - иностранный» в онлайн-версии газеты «Комсомольская правда – Беларусь», 24.03.10, 18:24. URL: <http://www.kp.by/daily/24461/622845?geoid=1&cp=0#comment> (дата обращения: 23.04.2015).
- 32 Количественные данные по соотношению сторонников и противников белорусского языка (проанализированные, однако, на материале только одной, хотя и объёмной, дискуссии) представлены в вышеупомянутой статье Н.Б. Мечковской.
- 33 Комментарий к статье «Сямімесячнае дзіця выратавала ад гвалтоўнай смерці свайго бацьку-таксіста», 29.04.13, 18:39. URL: <http://auto.tut.by/news/accidents/346340.html>, 29.04.13 (дата обращения: 23.04.2015).
- 34 В данном комментарии остаётся неясным, что именно его автор подразумевает под выражением «наш язык»: русский или «неиспорченный» белорусский (о «порче» белорусского языка см. далее).
- 35 Комментарий к статье «Таямніца з «мінраваннем» мінскага метро: акрамя ўраджэнца Караганды, у справе ёсць яшчэ фігурант», 24.03.14, 09:04. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14151492> (дата обращения: 23.04.2015).
- 36 Комментарий к статье «Лідзія Ярмошына: гісторыя ўзлёту бабруйскай юрыстык», 22.03.14, 09:04. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14151342&page=2> (дата обращения: 23.04.2015).
- 37 Комментарий к статье «Раство і Каляды: як святкаваць іх правільна», 06.01.14, 13:18. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14141660> (дата обращения: 23.04.2015).

- 38 Комментарий к статье «Беларуска сыграла галоўную ролю ў фільме, які стаў лаўрэатам Канскага кінафэстывалю», 24.05.14, 13:18. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14158988> (дата обращения: 23.04.2015).
- 39 *Станкевіч С.* Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР і супраць русіфікацыйнаму працэсу. – Менск: Навука і тэхніка, 1994.
- 40 Комментарий к статье «Ушачы асірацелі». Землякі - пра Рыгора Барадуліна», 06.03.14, 20:03. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14149345> (дата обращения: 23.04.2015).
- 41 Комментарий к той же статье, 07.03.14, 10:46.
- 42 Комментарий к статье «П'яны вадзіцель хацеў незаконна перасекчы беларуска-літоўскую граніцу», 09.04.08, 12:52. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=5777517> (дата обращения: 23.04.2015).
- 43 Комментарий к статье «Туристов в Беларуси смущают кислые лица, незнание английского и туалеты. Минспорта и туризма подвело итоги года», 15.03.14, 23:11. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14150363&page=6> (дата обращения: 23.04.2015).
- 44 Комментарий к статье «Еще в одном белорусском учебнике обнаружили грубые ошибки», 04.06.13, 18:08. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14115261> (дата обращения: 23.04.2015).
- 45 *Малько Г.І.* Руска-беларуская інтэрферэнцыя ў перыядычным друку Рэспублікі Беларусь (лексічны і граматычны ўзроўні). Дыс. ... канд. філал. навук. – Мінск: БДУ, 2004.
- 46 *Пахомов В., Свинцов В.* Четыре мифа о русском языке: как перестать волноваться о судьбе родной речи // Теории и практики. 2014, 7 августа. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/9329-yazyk> (дата обращения: 23.04.2015).
- 47 *Важнік С.А.* Тры стыхіі Байнэта, або Права нацыянальнай моўнай самаідэнтыфікацыі. Серыя: “Лекцыі па Інтэрнэт-лінгвістыцы”. Вып. 1 / Мінск, 2007. С. 6.
- 48 *Лукашанец А.А.* Беларуская нацыянальная мова на сучасным этапе: сістэма, статус, функцыянаванне // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2009. – №1. С. 111.
- 49 *Клімаў І.П.* Лінгвістычная апазіцыя двух стандартаў беларускай літаратурнай мовы // Роднае слова. 2004. № 7. С. 14.
- 50 *Клімаў І.П.* Да асэнсавання нарматыўнага плюралізму ў беларускай літаратурнай мове // Беларуская арфаграфія: здабыткі і перспектывы: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю БДУ (Мінск, 20–21 кастр. 2001 г.). Пад агул. рэд. М.Р. Прыгодзіча. Мінск, 2012. С. 18.
- 51 https://www.facebook.com/natalia.vlasova.90/posts/676436112403004?comment_id=6376657&offset=0&total_comments=21&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R9%22%7D.
- 52 Комментарий к статье «Мова TUT. У гасцях фотамастак Юры Маціўн, рэжысёр Андрэй Куціла і Naka Piano», 22.04.15, 15:19. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14232563> (дата обращения: 23.04.2015).
- 53 Комментарий к статье «Сямімесячнае дзіця выраставала ад гвалтоўнай смерці свайго бацьку-таксіста», 29.04.13, 18:58. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14110598> (дата обращения: 23.04.2015).

- ⁵⁴ Коментарый к статье «У Маладзечне маладзён пабіў міліцыянера, але забыўся пра гэта», 15.07.13, 16:00. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14110598> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁵ *Важнік С.А.* Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁶ Коментарый к статье Яшчэ савецкія, але ўжо свабодныя. Як пратэставалі беларусы 25 гадоў таму. Мітынг на стадыёне «Дынама», 12.03.14, 12:45. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14149941&page=2> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁷ Коментарый к статье «Адрыў»: людзі на роварах і пешшу, з мапамі ды ліхтарамі захапілі вуліцы Мінска», 14.08.13, 09:55. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14124060> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁸ Коментарый к статье «Фотафакт: раварыстам зноў дазволілі ездзіць па Брэсцкай крэпасці», 07.09.13, 19:50 и далее. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14127075> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁹ *Лянкевіч А.* Указ. соч. С. 151–152.

Русский идиом английского языка: специфика употребления инфинитива и инфинитивных конструкций

В статье постулируется объективное существование русского идиома английского языка как особой знаковой системы, характеризующейся массовым распространением и системой устойчивых типовых структурных и функциональных закономерностей. В частности, автор описывает специфику употребления инфинитива и инфинитивных конструкций в англоязычной речи носителей русского языка. Сделаны выводы о закономерностях порождения речи на неродном языке и грамматическом идиоэтнолизме неаутентичной англоязычной речи, обусловленном прагмалингвистическим переносом синтаксических средств вербализации мысли.

Ключевые слова: инфинитив, инфинитивная конструкция, русский идиом английского языка, этноспецифика речи, речевая норма, модели речевого поведения, грамматический идиоэтнолизм, билингвальная языковая личность, прагмалингвистический перенос.

Формирование неродной языковой компетенции у носителей русского языка происходит в основном в процессе формального, специально организованного обучения. По сравнению с языком, на котором говорит английский этнос (далее язык-источник), результат освоения английского языка в искусственных условиях педагогического дискурса представляет собой в той или иной степени видоизмененную форму английского языка и обладает рядом специфических черт. Вслед за В.М. Савицким и его учениками¹ мы считаем обоснованным определить модификацию английского языка, представленную в языковом сознании его русскоязычных пользователей, как *русский идиом английского языка* (далее – РИАЯ). Это соотносится с определением, которое сформулировал В.А. Виноградов: «Идиом – общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка. Термин *идиом* используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено»². Иноязычную компе-

тенцию русскоязычных учащихся традиционно рассматривали с точки зрения лингводидактики как набор ошибок и девиаций и разрабатывали методические алгоритмы борьбы с ними. Одним из центральных понятий в этой учебно-методической и дидактической проблематике является понятие интерференции (от англ. *interference* – ‘вмешательство, помеха, препятствие’). Высоко оценивая достижения отечественной и зарубежной лингводидактики (Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Г.В. Рогова, Я.М. Колкер, Р.П. Мильруд, И.Л. Бим, Л.А. Карева, И.А. Дехерт, Б.А. Лapidус, Е.И. Пассов, И.А. Зимняя, L. Selinker, V. Cook, R. Ellis, S. Gass, D. Larsen-Freeman, M. Long, R. Mitchell, F. Myles, L. White и др.), теории речевых ошибок и межъязыковой девиатологии³, мы считаем, что необходимо изучить модифицированную англоязычную компетенцию с точки зрения теоретической лингвистики на всех языковых уровнях. Это иной подход к данной проблематике: наше описание идиома носит констатирующий характер и не имеет целью отразить несовершенства лингводидактических усилий и индивидуальные огрехи учащихся и преподавателей. РИАЯ в нашем понимании – реальная, широко распространенная, достаточно эффективно функционирующая на международной арене и полноправная коммуникативная система, существующая параллельно с английским языком-источником. Идиом обладает рядом специфических черт по сравнению с аутентичным языком и с теми его модификациями, которые используются носителями других языков (итальянский, китайский, немецкий идиом английского языка и проч.).

Цель нашего исследования – полиаспектное описание РИАЯ как самостоятельной коммуникативной системы, особенностей его структуры и функционирования по сравнению с языком-источником. Необходимость изучения международных коммуникативных систем, которые в глобальном масштабе приобретают всё большее значение, участие в межкультурном общении и быть вовлеченным в качестве активного субъекта в процессы мировой глобализации и интеграции. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении РИАЯ не с учебно-методических и дидактических позиций, а под углом зрения кросс-культурной коммуникации. Это социо-, культуро- и психолингвистическая проблематика. В наши задачи входит выяснить, как общение на РИАЯ между носителями русского и английского языков способствует передаче особенностей российского менталитета; как происходит кодирование смысла на этом идиоме, представляющего собой гибрид двух ментальностей; и что получается, когда участники коммуникации общаются на разных модификациях одного и того же языка.

Исследование проводится с 2005 г. и продолжается по настоящий момент. Участниками экспериментов и информантами являются студенты и выпускники факультета иностранных языков Пензенского государственного педагогического университета, студенты отделения лингвистики пензенского филиала Современной гуманитарной академии, преподавательский состав кафедры английского языка и методики его преподавания и кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного педагогического университета, носители английского языка. Материалом исследования послужил корпус языковых образований (на настоящий момент 3.500), собранных в результате наблюдения за устной и письменной речью пользователей идиома, опроса русскоязычных и англоязычных информантов, экспериментов с участием пользователей РИАЯ. Для анализа этноспецифики процессов формирования и формулирования мысли на идиоме был использован индуктивный метод: конкретный корпус собранного речевого материала на идиоме является источником информации о сформированной ашпроксимативной системе, в которой проявляются характерные для субординативных билингов новые когнитивные и речевые структуры, не присущие их первичному языковому сознанию. Индуктивный метод, применяемый в настоящем исследовании, подразумевает два этапа анализа материала. **Ономасиологический этап:** при предполагаемой изоморфности в плане содержания выявляется гомоморфность в плане выражения и устанавливается своеобразный характер подбора материальных средств для вербализации мысли на РИАЯ по сравнению с языком-источником. Нормативные речевые произведения информантов-носителей английского языка являются эталонным сопоставления для выявления специфики речевой формы на идиоме. **Констатирующий этап:** массовые устойчивые девиации от нормативных речевых произведений на языке-источнике объясняются влиянием системных и нормативных характеристик родного языка.

Идиоэтнизм РИАЯ представляет собой сложный и объемный исследовательский объект, затрагивающий фонетический, грамматический, лексико-фразеологический аспекты. Среди факторов грамматического идиоэтнизма мы выделяем этносоциокультурные, прагматические, структурно-языковые, когнитивные. В рамках статьи описаны некоторые частные структурно-языковые аспекты речи на идиоме, а именно особенности употребления инфинитивов и инфинитивных конструкций.

В грамматической системе русского языка существует аналогичная безличная форма глагола. По функциональному потенци-

алу инфинитив в русском и английском языках во многом схожи, и в случаях межъязыкового изоморфизма семантико-синтаксических структур русскоязычные билингвы не испытывают трудностей с адекватным применением на практике инфинитивных форм английских глаголов. Межъязыковая симметрия (межъязыковой изоморфизм) наблюдается в использовании инфинитива в следующих синтаксических функциях:

1) в функции части глагольного сказуемого, выраженного аналитической личной формой глагола будущего времени: *Он будет **работать***. – *He will **work***.

2) в функции части составного сказуемого с глаголами типа *begin, want, hope, try* и проч.: *Он начал **работать***. – *He began **to work***.

3) в функции части модального сказуемого: *Он должен **работать***. – *He must **work***.

4) в функции части дополнения: *Мы спросили, когда **начинать** работу*. – *We asked when **to begin work***.

5) в функции части обстоятельства цели: *Мы пришли **начать** работу*. – *We came **to begin work***.

6) в функции части обстоятельства следствия: *Мы были не готовы, чтобы **начать** работу*. – *We were not ready **to begin work***.

7) в функции подлежащего в двух структурных разновидностях: с формальным подлежащим *It* и без него. Ср., *To boast is reprehensible. It is reprehensible to boast. Хвастаться – плохо*.

Межъязыковой гомоморфизм и анизоморфизм приводят к появлению идиоэтнических черт употребления инфинитивов и инфинитивных конструкций на РИАЯ. Проведенные наблюдения позволяют констатировать следующее.

1. В речи на РИАЯ частица *to* в случае однородных членов предложения, выраженных инфинитивами, употребляется повторно чаще, чем в аутентичной английской речи. К числу часто встречающихся особенностей речи на РИАЯ принадлежит повторное употребление частицы *to* в случае однородных членов предложения, выраженных инфинитивами. Носители языка, как правило, этого не делают. Ср., *I want you and John **to come over to my house and to bring the files here***. – *I want you and John **to come over to my house and bring the files here***. Однако намеренное повторение частицы *to* может иметь место с целью целенаправленного эмфатического выделения каждого из перечисляемых действий, выраженных инфинитивами. Русскоязычные билингвы, как показало исследование, не знакомы с этим стилистическим приемом.

2. В речи на РИАЯ в отрицательных предложениях два инфинитива часто соединяются союзом *and*, что не встречается в норме в аутентичной английской речи, поскольку противоречит требованиям системы английского языка. Типичны ошибки русскоязычных билингов в соединении двух инфинитивов в отрицательном предложении союзом *and*. Это является языковой ошибкой, т. е. нарушением системы английского языка. Системные требования английского языка предписывают союз *or*. Ср., **You must't run and jump.* – *You must't run or jump.*

3. Пользователи РИАЯ не полностью используют функционально-семантический потенциал пассивных, перфектных, продолженных инфинитивов. Вместо указанных видов инфинитива они привлекают иные грамматические средства для передачи приписанных им значений в силу отсутствия изоморфных грамматических явлений в системе родного языка или неоправданно используют простой инфинитив.

Таблица 1. Идиоэтизм употребления инфинитивов и инфинитивных конструкций на РИАЯ

Русская речь	Речь на РИАЯ	Аутентичная речь на английском языке
Кажется, она спит.	It seems that she is sleeping. She seems to sleep.	She seems to be sleeping.
Работу надо сделать.	It's necessary to do the work. Somebody should do the work.	The work should be done. The work is to be done.
Может быть, она ждала автобус.	Perhaps she was waiting for the bus.	She might have been waiting for the bus.
Мы бы сейчас не колесили по городу.	We wouldn't drive around the city now.	We wouldn't be driving around the city now.

4. В речи на РИАЯ целевой инфинитив как часть обстоятельства цели и инфинитивная целевая конструкция употребляются реже, чем в аутентичной английской речи. Нами не отмечено сильных расхождений между аутентичной и неаутентичной речевой нормой в употреблении так называемого целевого инфинитива, когда инфинитив является частью обстоятельства цели: *He went out to have a bite. They sat at the table to look through the documents.* В русской речевой норме в данных целевых контекстах возможен не только инфинитив (*Он вышел перекусить*), но

и инфинитивная конструкция (*Он вышел, чтобы перекусить / Он вышел для того, чтобы перекусить*). Подчиняясь русской норме, пользователи РИАЯ часто разворачивают сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным: *My parents gave me some money so that I could buy a text-book. Let's have lunch together so that we can discuss business*. С точки зрения английской языковой системы такие конструкции не являются ошибочными, но в аутентичной английской речи они употребляются гораздо реже, чем инфинитивная целевая конструкция, в том числе с предлогом *for* (*for-phrases* или *for-to-infinitive complex*): *I wrote the report for my boss to be informed*. Относительно инфинитивной конструкция с предлогом *for* следует отметить асимметрию аутентичной и неаутентичной норм речевого поведения: пользователи РИАЯ пользуются ей в целом реже, чем носители английского языка, предпочитая следующие варианты: *I wrote the report for my boss so that he was informed. I wrote the report so that my boss was informed. I wrote the report to inform my boss*.

5. В речи на РИАЯ не употребляется так называемый расщепленный инфинитив в отличие от аутентичной английской речи. Наше исследование подтвердило, что в англоязычной речи русскоязычных билингвов отсутствует расщепленный инфинитив, когда инфинитив и частица *to* разъединяются наречием. Например, *It was a daring stunt to even try to do it. I want everyone to clearly understand me*. Русскоязычные билингвы видят в этом нарушение привычного порядка слов, представляя инфинитив неотделимым от оформляющей его частицы *to*, и не видят необходимости ставить наречие между ними.

6. В речи на РИАЯ не употребляется инфинитив в функции части обстоятельства последующего действия. Русскоязычные билингвы совсем не употребляют в английской речи инфинитив в функции части обстоятельства последующего действия: *I opened the file to find the documents missing. He came home to find no one there*. Причина этого – отсутствие изоморфных семантико-синтаксических структур в родном языке. Пользователи РИАЯ в изосемантических ситуациях используют однородные сказуемые в личной форме, что является также приемлемым с позиции норм аутентичного англоязычного речевого поведения. Ср., *I opened the file and found the documents missing. He came home and found no one there*.

7. В вежливых просьбах на РИАЯ носители русского языка употребляют двойной императив. Подобные просьбы состоят из 2 частей. Первая часть – неизменная: *Будьте добры, ...*

Будь добр, ... Вторая часть – непосредственно просьба: ..., **помоги мне. ..., сделай это для меня.** Подобным просьбам соответствуют английские конструкции с инфинитивом в функции части обстоятельства степени: *Would you be so kind as to help me? Would you be kind enough to do it for me?* Пользователи РИАЯ, не владеющие аутентичными английскими конструкциями на уровне автоматизированного воспроизведения, ориентируются на модель родного языка и генерируют высказывания с двойным императивом типа: *Be so kind, help me! Be so kind, do it for me!*

8. В речи на РИАЯ практически не встречаются инфинитивы в функции определения в постпозиции к определяемому слову в отличие от аутентичной речи. Например, *The rule to learn is on the next page. I've got some seminars to attend. Here are the documents to look through.* Пользователи РИАЯ оформляют подобные высказывания с помощью придаточных определительных (*The rule (that) you should learn is on the next page. Here are the documents (that) you should look through*), модальных сказуемых (*I've got to attend some seminars. You should learn the rule on the next page*). Это предпочтение также обуславливается тем, что говорящие на РИАЯ руководствуются нормой родной речи.

Английский инфинитив в постпозиции может определять словосочетание, построенное по модели *<the last, the next, the only, порядковые числительные, превосходная степень прилагательных +существительное/местоимение one>*. Например, *You are the only woman to understand me. John was the last man to arrive.* В изосемантической речи на русском языке употребляется простое предложение с простым глагольным сказуемым или сложноподчиненное предложение с придаточным определительным: *Ты единственная меня понимаешь/Ты единственная, кто меня понимает. Джон приехал последним/Джон был последним из приехавших/Джон был последним из тех, кто приехал.* Пользователи РИАЯ апеллируют к первичному языковому коду, находят изоморфный образец объективации мысли в грамматической системе неродного языка (в данном случае, сложноподчиненное предложение с придаточным определительным) и, как следствие, предпочитают генерировать высказывания именно по этому образцу, избегая имеющиеся в неродном языке альтернативы. Ср., *You are the only person who understands me. John was the last one who arrived.*

9. В речи на РИАЯ не употребляются некоторые инфинитивные конструкции в отличие от аутентичной английской речи. В речи на РИАЯ наблюдается отчетливая тенденция

избегать инфинитива в функции части сложного подлежащего: *He is difficult to work with. They are hard to convince.* Этой конструкции предпочитается конструкция с формальным подлежащим *It или That: It is difficult to work for him. It is hard to convince him. That's a shame – to leave him without any money.* Это предпочтение также объясняется выбором языковых средств, изоморфных языковым средствам родного языка, в котором нет такого конструкта как сложное подлежащее. Ср., рус. *Трудно с ним работать. Трудно их убедить.* В разговорном английском инфинитивная конструкция может переместиться в начало предложения, а главное предложение с *that* – в конец: *To catch them red-handed, that was good.* Такая конструкция не встречается в речи говорящих на РИАЯ. Инфинитив в функции части сложного подлежащего широко употребляется в английском языке для характеристики поступков человека. В именной части сказуемого употребляются такие прилагательные как *kind, polite, rude, sensible, clever, foolish, stupid, wise* и проч. Конструкция имеет два формальных варианта: с формальным подлежащим *It* и без него. Ср., (1) *He is reasonable to try over and over again.* (2) *It is reasonable of him to try over and over again.* Частотность употребления на РИАЯ варианта (2) значительно превышает частотность употребления варианта (1).

Давать характеристику поступкам человека можно также с помощью английской конструкции: *<подлежащее + именная сказуемое, выраженное глаголом-связкой и существительными без артикля типа man/fool/idiot/coward + enough + часть сложного подлежащего, выраженного инфинитивом>*. Например, *Jason was man/fool/idiot/fool enough to protest.* Вариант этой конструкции предусматривает употребление *<enough + те же существительные с неопределенным артиклем с предлогом of>*. Например, *Jason was enough of a man/fool/idiot/fool to protest.* Эти разговорные конструкции не встречаются в речи на РИАЯ.

Руководствуясь нормой родной речи, пользователи РИАЯ так же подсознательно избегают употребления конструкции: *<подлежащее + сказуемое, выраженное личной формой глаголов take, cost + дополнение + часть сложного подлежащего, выраженного инфинитивом>*. Например, *The firm cost \$200,000 to set up. The theater took 3 years to build.* Неопределенно-личные конструкции в изосемантической речи на русском языке не изоморфны этим конструкциям. Поэтому пользователи РИАЯ предпочитают подлежащие инфинитивные конструкции с формальным подлежащим *It: It cost \$200,000 to set up the firm. It took 3 years to build the theater.*

В английском языке инфинитив выполняет функцию части сложного подлежащего в конструкции: *<подлежащее + именная ска-*

зуемое с *sure, certain, bound, likely* в именной части + часть сложного подлежащего, выраженного инфинитивом». Например, *She is sure to come*. В изосемантической речи на русском языке действие выражается личной формой глагола. Ср., *Она наверняка придет. Я уверен, она придет*. Поэтому русскоязычные билингвы чаще употребляют конструкции без инфинитива при генерировании высказываний на английском языке: *She will definitely/certainly/surely come* (78 %). *I'm sure she will come* (45 %). *It is sure that she will come* (5 %). Аутентичная английская речевая норма дает возможность употребления всех этих конструкций: как с инфинитивом, так и с личной формой глагола, так и с придаточным дополнительным. Но приоритетное употребление русскоязычными билингвами перечисленных конструкций определяет специфику неаутентичной английской речи, так как в аутентичной англоязычной речи предпочтение отдается конструкции *She is sure to come*.

Такая же разница в частотности употребления инфинитива наблюдается в отношении конструкции: <подлежащее + сказуемое, выраженное личной формой глаголов *seem, appear, happen, prove, chance, turn out* + часть сложного подлежащего, выраженного инфинитивом». Например, *He seems to remember me. She proved to know a lot*. В изосемантической речи на русском языке действие выражается личной формой глагола. Ср., *Кажется, он помнит меня. Оказалось, она много знает*. Наше исследование показало, что пользователи РИАЯ не часто употребляют эту инфинитивную конструкцию в своей речи. Эта конструкция им кажется неудобной, они осуществляют выбор языковых средств по аналогии с устойчивым комплексом грамматических средств родного языка. В результате прагмалингвистического переноса получаются более длинные и громоздкие конструкции на РИАЯ – сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными: *It seems that he remembers me. It turned out that she knew a lot*. Носители языка считают их приемлемыми, но в своей речи употребляют инфинитивную конструкцию, позволяющую передать сообщение более емко и экономично. В этом также проявляется специфика аутентичного и неаутентичного речевого поведения.

Личная форма глагола русского языка передает действие, которое в изосемантической речи на английском языке передается инфинитивом в функции части сложного подлежащего в конструкции: <подлежащее + глагольное сказуемое в пассивном залоге + часть сложного подлежащего, выраженного инфинитивом». Например, *Ожидается, что стороны **подпишут** соглашение. – The parties are expected to **sign** the agreement. Считают, что он **заслуживает** наказания. – He is believed to **deserve** the punishment*. Подсознательно

русскоязычные билингвы стремятся к образцу, сложившемуся у них в языковом сознании, и в подобной коммуникативной ситуации придерживаются семантико-синтаксических структур родного языка, который предписывает употребление сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными: *It is expected that the parties will sign the agreement. It is believed that he deserves the punishment.*

Личная форма русского глагола в придаточном дополнительном нормативно соответствует английскому инфинитиву в функции части сложного дополнения. Ср., *Мы рассчитываем, что они нам помогут.* – *We expect them to help us.* В русском языке отсутствует такой грамматический комплекс как сложное дополнение, поэтому апелляция к имеющейся первичной грамматической системе русского языка не предоставляет русскоязычным билингвам изоморфных образцов. Как следствие, пользователи РИАЯ часто генерируют высказывания в форме сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным: *We expect that they will help us.*

Таким образом, можно констатировать асимметрию аутентичной и неаутентичной норм употребления инфинитива и инфинитивных конструкций. Систематическое неупотребление форм, рекомендованных аутентичной нормой речевого поведения формирует комплекс структурных особенностей неаутентичной англоязычной речи. Основные причины существования особенностей употребления английских инфинитивов русскоязычными билингвами следующие:

1. Разное количество синтаксических функций в английском и русском языке, выполняемых инфинитивами (число их функций в английском языке больше).
2. Отсутствие межъязыкового изоморфизма инфинитива русского и английского языков.
3. Корректирующее и интерферирующее влияние внутреннего кода русскоязычных билингвов, проявляющееся в стремлении выбирать грамматические конструкции, которые являются семантико-синтаксически изоморфными конструкциям русского языка, и избегать конструкции, функционально и структурно отличающиеся от русских конструкций.

Итак, в статье описаны особенности употребления инфинитива и инфинитивных конструкций в англоязычной речи носителей русского языка. Они были установлены с помощью сопоставления неаутентичной речи с изосемантической речью на языке-источнике. В целом не нарушая требований английской языковой системы, пользователи идиома в своей речи допускают массовые устойчивые

отклонения в синтаксическом аспекте от нормы и узуса аутентичной английской речи. Они подсознательно выбирают те грамматические конструкции, которые являются структурно-семантическими аналогами конструкций родного языка, и избегают тех конструкций, аналогов которым они не находят. Предпочтения одних способов объективации мысли на английском языке другим устанавливаются в языковом пространстве РИАЯ при корректирующем и интерферирующем влиянии системы, нормы и узуса русского языка как внутреннего кода пользователей идиома. Мы считаем, что синхроническое описание идиома как самостоятельной коммуникативной системы позволит определить его структурно-функциональные особенности по сравнению с языком-источником, с одной стороны, и другими его идиомами, с другой стороны. РИАЯ заслуживает научного внимания как реально функционирующий субъект языкового континуума, в котором сосуществуют языковые образования разного генеза и разного функционального потенциала.

Примечания

- ¹ *Савицкий В.М., Куровская А.Е.* Национальная специфика английской речи (грамматический аспект) / В.М. Савицкий, А.Е. Куровская. Москва: МГПУ, 2004. 145 с.; *Савицкий В.М., Плеханов А. Е.* Идиоэтизм речи (проблемы лексической сочетаемости): пособие для студентов и преподавателей / В.М. Савицкий, А.Е. Плеханов. Москва: МГПУ, 2001. 188 с.
- ² *Виноградов В.А.* Идиом // ЛЭС. М.: Советская Энциклопедия, 1990. С. 171.
- ³ *Дебрени М.* Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология. Новосибирск, 2006. 385 с.; *Прошина З.Г.* Глобальный английский язык как средство опосредованного выражения культурной идентичности // *Язык, культура, перевод: материалы международной очно-заочной научно-практической конференции.* Магадан: СВГУ, 2010. С. 93–99; *Acar A.* The “communicative competence” controversy. *Asian EFL Journal.* 2005. № 7(3). P. 55–60; *Jenkins J.* *World Englishes.* London and New York: Routledge. 2003. 233 p.; *Kachru B.B.* Models for non-native Englishes. // B.B. Kachru. *The Other Tongue: English Across Cultures.* Urbana: University of Illinois Press. 1992. P. 355–365; *McArthur T.* *Oxford Guide to World English.* Oxford University Press, 2003. 501 p.; *McKay S.L.* *Teaching English as an International Language.* Oxford University Press, 2002. 150 p.; *Quirk R.* Language varieties and standard language // *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics.* / Edited by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. London and New York: Routledge, 2006. Vol. 3. P. 501–511; *Trimnell E.* *Why You Need a Foreign Language & How to Learn One.* Beechmont Crest Publishing, 2005. 236 p.